

Михаил СЕРЯКОВ

КУЛЬТ СОЛНЦА У ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Неведомая Русь

Михаил Серяков

Культ солнца у древних славян

«ВЕЧЕ»

2013

Серяков М. Л.

Култ солнца у древних славян / М. Л. Серяков — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4444-8924-6

Новая книга известного исследователя славянского язычества М. Серякова посвящена культу солнца у наших далеких предков и, в определенной степени, является продолжением его труда «Дажьбог — прародитель славян». У славян солнце было одним из основных объектов поклонения. Накануне крещения в пантеоне Владимира 980 г. древние летописи фиксируют даже двух солярных божеств — Хорса и Дажьбога, занимающих второе и третье место после верховного громовержца Перуна. По мнению многих исследователей, Хорс был заимствован славянами у их южных ираноязычных соседей и является примером скифского религиозного влияния на верования наших далеких предков. Дажьбог, согласно «Слову о полку Игореве», был предком либо только русских князей, либо всего русского народа. Автор убежден, что великий солнечный миф не был одной лишь абстрактной идеей, на протяжении столетий он самыми разными способами проявлял себя в жизни наших далеких предков, являясь ее духовным стержнем.

ISBN 978-5-4444-8924-6

© Серяков М. Л., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Письменные источники о культе солнца у славян	7
Славянские источники о почитании бога солнца	7
Восточные источники о культе солнца у славян	11
Астрономические наблюдения за солнцем славянских жрецов	13
Открытие славянскими волхвами истинной природы солнечных затмений	18
Глава 2. Солнце и календарь	23
Солнце и народный календарь	24
Март и начало года у индоевропейцев	28
Праздник Ивана Купалы	31
Солнце и недельный цикл	39
Солнце и древнейшие календари	41
Глава 3. Солярная символика в народном быту	42
Солнце и небесный брак	42
Крест как языческий солярный символ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Серяков
Кульť солнца у древних славян

© Серяков М.Л., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Вступление

Книга, которую читатель держит в своих руках, посвящена культу солнца у наших далеких предков и, в определенной степени, является продолжением книги «Дажьбог – прародитель славян», вышедшей в этой же серии. Солнце было одним из основных объектов поклонения славянского язычества. Накануне крещения в пантеоне Владимира 980 г. древние летописи фиксируют даже двух солярных божеств – Хорса и Дажьбога, занимающих второе и третье места после верховного громовержца Перуна. По мнению подавляющего большинства специалистов, Хорс был заимствован славянами у их южных ираноязычных соседей и является примером скифского религиозного влияния на верования наших далеких предков. Дажьбог, согласно «Слову о полку Игореве», был предком либо только русских князей, либо всего русского народа. В силу исключительной значимости этого образа для всего самосознания и духовной истории нашего народа он был детально рассмотрен в книге «Дажьбог – прародитель славян», вышедшей в этом же издательстве. В этой книге мы все-сторонне исследовали неразрывно связанный с образом Дажьбога великий солнечный миф славянского язычества, благодаря которому наши далекие предки получили откровение о своем божественном происхождении и великом предназначении. Этот великий миф навеки предопределил судьбу нашего народа и, даже будучи утрачен, в значительной степени продолжает ее предопределять по сей день. Генетически родственным русскому Дажьбогу был сербский Дабог. Еще одним богом, тесно связанным с дневным светилом, у восточных славян был Ярила, известный нам, правда, по более поздним источникам. Однако в том, что это не плод фантазий более поздних авторов, нас убеждает имя этимологически ему родственного бога Яровита, которому поклонялись на западном конце славянского мира. У западных славян опять-таки более поздние источники упоминают еще и Ютробога, из самого имени которого следует его связь с утром. Такое обилие солнечных богов в славянском мире недвусмысленно указывает на ту огромную роль, которое дневное светило играло в духовной жизни всего славянского мира. Если внимательно присмотреться, то почти вся жизнь «Дажбожьих внуков» была пронизана светом. Если в посвященной Дажьбогу книге мы в первую очередь исследовали влияние этого бога на духовную жизнь нашего народа, то в этой книге речь будет идти о многообразных аспектах солнечного культа в жизни нашего и других славянских народов, проследившись время возникновения отдельных его элементов, а также будет проведено сопоставление с солнечной мифологией других индоевропейских народов. Приведенный в ней материал наглядно показывает, что великий солнечный миф не был одной лишь абстрактной идеей, а на протяжении столетий самыми разными способами проявлял себя в жизни наших далеких предков, образуя, если можно так сказать, ее духовную сердцевину.

Глава 1. Письменные источники о культе солнца у славян

Славянские источники о почитании бога солнца

Нет сомнений, что почитание солнца у славян носило весьма древний характер. В посвященной Дажьбогу книге отмечалось, что само возникновение имени этого солярного божества восходит к эпохе праславяно-скифских контактов, т. е. примерно к VI–V вв. до н. э. К сожалению, непосредственными письменными свидетельствами о религиозных представлениях наших далеких предков в ту далекую эпоху мы не располагаем. Однако, рассказывая об эпохе основателя столицы Древней Руси Кия, т. е. уже VI в. н. э., один из летописцев счел нужным добавить к переданным Нестором известиям следующую подробность, касающуюся верований полян: «Верою же были тогда погани, жруще озеромъ, кладезямъ и раченіямъ. Солнце же и огонь и иніи почитаху яко бози...»¹ Трудно сказать, опирался ли этот летописец на какие-то недошедшие до нас источники, либо просто высказал свою догадку, отталкиваясь от окружающего его двоеверия, однако древнерусские поучения против язычества, отражающие ситуацию уже после крещения страны, однозначно фиксируют поклонение восточных славян солнцу как богу. «Слово Иоанна Златоуста о том, как поганые веровали идолам» рисует следующую безрадостную, с точки зрения новой религии, картину: «Человечи, забывше страха Божия небрежениемъ, и крещения отвергошася и приступиша к идоломъ и начаша жрети молнии, и грому, и солнцю, и луне»². То же самое мы видим и в другом поучении против язычества – «Хождении Богородицы по мукамъ»: «Нъ забыши Бога и вероваша, юже бе тварь Богъ на работу створилъ; то то они все богы прозваша: солнце и месяц, землю и воду... да и доселе мракъмъ злымъ одържими соуть...»³ Естественно, что православные писатели видели в этом результат действия нечистой силы. В слове св. Кирилла дьявол «овы прельсти въ тварь в#ровати и въ солнце же и въ огонь, и во источники же и въ древа, и во ины различны вещи, ихъ же рещи не возможно»⁴. Соответственно с этим духовенство не жалело сил для искоренения любых проявлений исконной веры Руси в целом и солнечного культа в частности. Само «Слово св. Кирилла о злых дусех» призывало своих читателей: «А не нарицайте собе б(о) га на земли, ни въ р#ках, ни въ студенцах, ни въ птицах, ни на въздус#, ни въ слнці, ни въ лун#, ни въ каменіи»⁵. В одном поучении, лишний раз доказывающего существование идола бога солнца у восточных славян уже в христианский период, его автор, противопоставляя богов старой и новой религии, риторически спрашивает: «Не нарицайте соб# бога ни въ солнци, ни въ лун#; луце же ли поклонятися лучю мръкнушему, нежъ лучю безсмертному и богу сътворенну, а не Богу все сътворшу?»⁶

Однако гораздо чаще проповедники новой религии прибегали не к аргументам разума, а к обычному принуждению. В слове Ефрема Сирина о втором пришествии пастве категорически предписывалось: «отрицаемъ... в#рования въ солнце и въ луну и въ зв#зды и въ

¹ Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 62.

² Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. С. 89.

³ Там же. С. 314.

⁴ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 47.

⁵ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2 // Записки императорского Московского археологического института. М., 1913. Т. 18. С. 69.

⁶ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 66; Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян. СПб., 1846. С. 3.

источники...»⁷ В исповедальных вопросах священники допытывались у своих прихожан: «Или кланялись чемоу отъ тварі, солнцоу, или зв#здам, или м#сяцу, или зари?»; «Или кланялась солнцу и м#сяцу и зв#здам или зари?»; «Не называлъ ли тварь божію за святыни: солнце, м#сяцъ, зв#зды...»⁸ В какой-то момент отдельным представителям православного духовенства казалось, что их усилия дали свои плоды. В XII в. Кирилл Туровский в «Слове на Фомину неделю» искренне радовался, что русские наконец-то стали настоящими христианами, и радостно восклицает: «Обновися тварь: уже бо не нарекутся Богомъ стихия, ни солнце, ни огонь, ни источницы, ни дрѣвеса»⁹. Однако, как показали последующие события, радость проповедника была несколько преждевременной. Четыре столетия спустя новгородский архиепископ Макарий в своем письме Ивану Грозному рисует практически такую же картину, какую описывали борцы с язычеством в первый период христианизации страны: «Во многих русских местах до сего времени обычая держакхуся от древних прародителей... Суть же скверные мольбища их лес и камение, и реки и блата, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды, и озера и просто рещи – всей твари поклоняхуся, ако богу»¹⁰. Однако дело не ограничилось одним только XVI в. В XIX в. на Украине была записана песня, где солнце, спустя почти тысячу лет после крещения жителей Киева, прямо называется богом:

Ой піду я темним лугом,
Оре милий своїм плугом,
Чужа мила поганяе,
І к сонечку промовляє:
Поможе, боже, чоловіку,
Щоб так орав поколь віку¹¹.

Связь дневного светила с земледельческим трудом не ограничивается данной песней и встречается нам в русском совете-поговорке «борони по-солонь, лошадь не вскружится». Поклонение солнцу при обработке земли и уборке урожая отмечает еще древнерусское поучение против язычества, автор которого даже постарался дать данному обряду рационалистическое объяснение – славяне заметили, что от солнечного тепла зреет и сохнет хлеб, и поэтому по-язычески стали кланяться на юг – полдень. Однако «Слово св. Григория» по Чудовскому списку интересно не только описанием этого ритуала, но и тем, что рядом с ним были приведены аналогичные языческие священнодействия, которые точно так же могут быть отнесены к культу солнца: «И огонь рекуще (в приведенном Е.В. Аничковым списке этого Слова поставлено более правильно «творять». – М.С.) спорыню соуша, егда зр#еть. Сего ради оканънии полуднье чтоутъ и кланяються полъдне обратившес. А се иная злоба въ крстьянех: ножемъ крстять хлебъ, а пиво крстять чашею»¹². Как мы увидим далее, задолго до возникновения самого христианства крест был одним из языческих символов солнца, и поэтому автор «Слова св. Григория», по всей видимости, и поставил в один ряд обычай кланяться на полдень при сборе урожая с обычаями крестить ножом или чашей результаты труда земледельца. Сам факт того, что, несмотря на внешнее соответствие христианской

⁷ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 47.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914. С. 111.

¹⁰ Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 1 // Историко-астрономические исследования, вып. VII. М., 1961. С. 81.

¹¹ Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. К., 1982. С. 15.

¹² Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2 // Записки императорского Московского археологического института. М., 1913. Т. 18. С. 35.

обрядности, народный обычай крестить пиво и хлеб вызывал ожесточенный протест церковного писателя, однозначно указывает на его языческое происхождение. В отдельных регионах славянского мира традиция воспринимать солнце как бога дожила до XX века, и К. Мошинский с некоторым удивлением констатирует результаты собственных этнографических наблюдений: «Так, болгарские или русские женщины в разговорах с малыми детьми употребляют выражение “бог” (обычно в уменьшительных формах) не только в обычном понимании: бог, святой образ, крест, но также в смысле: солнце, луна и огонь. Мать-русинка, показывая, например, ребенку огонь, объясняет, что это бог; или когда ее спрашивают, где бог, показывает на солнце, и т. п.»¹³. О том, что солнце было некогда богом у славян, свидетельствует и сопоставление польской пословицы «do kogo slonce, do tego i ludzi» с аналогичным русским выражением «за кого Бог, за того и добрые люди». Про это же говорит и хорутанская клятва «Sonce mi in Boga», тождественная по смыслу с русским выражением «ей-богу». Про это же говорит и украинская поговорка «де сонце, там и сам Господь», равно как и то, что там же вплоть до XIX в. восклицали: «Сонце би тя побило!» в смысле: «Щоб тебе Біг (т. е. Бог) покарав!»¹⁴ В болгарской песне «Солнце и Мария» дневное светило прямо названо господом, т. е. таким же эпитетом, как и христианский бог. Отголосок былого культа дневного светила просматривается и в русской поговорке: «Люди восходящему солнцу поклоняются».

Следует отметить, что в отдельных регионах славянского мира солнце воспринималось не просто как бог, а как молодой бог, приходящийся сыном более старому божеству. В одной сербской песне прямо говорилось, что Солнце – это сын Бога, Месяц – брат Солнца, а их сестра – Звезда-преходница¹⁵. В Боснии и Герцеговине был зафиксирован ритуал, когда утром на восходе солнца в день Рождества Христова, т. е. в момент зимнего солнцестояния, хозяин дома становился перед своим жилищем и восклицал: «Сияй Боже и Божич, нам, нашему дому». Как справедливо отмечает А.С. Фаминцын, «Бог» в данном случае первоначально означал, очевидно, небо или небесного владыку, а «Божич» – его чадо, солнце. И самый праздник Рождества Христова у сербо-хорватов и словинов называется «Божич», а у болгар – «Божик»¹⁶. У сербов под Божичем понимается рожденное в день Рождества Христова солнце. Во всех этих данных нельзя не увидеть подтверждение родословной славянских божеств, приведенной переводчиком хроники Иоанна Малалы, согласно которой отцом Дажьбога-Солнца был древний бог неба Сварог. Славянский фольклор как западных, так и восточных славян знал не только отца солнца, но и его мать, что лишний раз подчеркивает принадлежность дневного светила к более младшему поколению богов. Хотя христианству, несмотря на все его старания, за тысячу лет не удалось окончательно вытравить из народной памяти восприятие солнца как бога, однако и славянам в массе своей не удалось сохранить свое языческое мировоззрение в чистом виде. Несмотря на то что в отдельных местах восточнославянского мира люди вплоть до XIX–XX вв. помнили даже само имя Дажьбога, процесс размывания истинной религии шел своим чередом, и в «сниженном» виде солнце, как и другие небесные светила, стали представляться в отдельных местах народу уже не богами, а великанами: «По представлению украинцев *сонце*, равно как *місяць* (луна), *зорізорниці*, *морозко*, *вітеръ* и проч. – живые существа, могучие, обитающие на небе великаны, способные, смотря по расположению духа, оказывать благодетения людям или же делать

¹³ Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. T. 2. Kultura duchowa. Cz. 1. Warszawa, 1967. С. 443.

¹⁴ Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1995. С. 162, 172.

¹⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 83.

¹⁶ Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1995. С. 128, 178.

людей безысходно несчастными. (...) Более добрым из них в легендах являются *сонце* и *місяць*»¹⁷.

¹⁷ Десятын Г. Украинский Гелиос // Киевская старина, 1882. Т. 4. С. 178.

Восточные источники о культе солнца у славян

Культе солнца у наших предков отмечали и зарубежные наблюдатели. Арабский автор X в. Мутаххар ал-Макдиси, описывая ту эпоху, когда еще ни один славянский народ не принял христианства, так охарактеризовал их верования: «(Страна) славян (ас-саклаб) больше, чем страна русов (ар-Рус), и обильнее добром. Среди них есть поклонники солнца и идолопоклонники, а есть такие, которые не поклоняются ничему»¹⁸. Однако поклонение солнцу имело у наших далеких языческих предков не только религиозный, но и астрономический аспект. Анонимный автор арабской рукописи «Ахбар аз-Заман» («Мухтасар ал-аджаиб») сообщил о славянах следующие ценные в свете нашего исследования сведения: «Что касается ас-Сакалиба, то они представляют собой несколько народов, и среди них есть христиане и те, кто исповедуют религию огнепоклонников и поклоняются солнцу... И среди них есть народы, которые живут между ас-Сакалиба и ал-Ифрандж. Они исповедуют религию сабиев, и они поклоняются звездам, и они обладают большим умом и тонкостью в каждой отрасли искусства, и они воюют с ас-Сакалаба, ал-Бурджан и ат-Турк, и у них имеется семь праздников в году, которые именуются по названиям звезд, и самый главный из них – это праздник солнца»¹⁹. Данный источник совершенно точно отметил, что славяне представляют собой несколько народов, часть из которых сохранила исконную веру своих предков, наиболее существенными чертами которой он, точно так же, как и цитированный выше древнерусский автор, назвал поклонение огню и солнцу, а часть уже приняла христианскую религию. Из общего числа славянских народов особое внимание мусульманского писателя привлекли те, которые живут между Францией (ал-Ифрандж) и остальными родственными им народами. Если исходить из этой локализации, то можно предположить, что наш источник имел в виду какую-то группу западных или южных славян, которая после завоеваний Карла Великого оказалась непосредственными соседями Франкской империи и граничила на востоке с остальными славянскими племенами. Что касается исповедуемой ими религии сабиев, то данный термин в узком значении употреблялся арабскими авторами в отношении язычников Харрана, а в широком – применительно к языческой религии вообще. С другой стороны, про эту же часть славян, которые «обладают большим умом и тонкостью в каждой отрасли искусства», наш автор дополнительно сообщает, что они ведут войны с другими славянскими народами (ас-Сакалаба), дунайскими болгарами (ал-Бурджан) и тюрками (ат-Турк). Поскольку про ат-Турк этот автор далее сообщает, что они представляют собой многочисленных кочевников, среди которых есть и огнепоклонники, и обратившиеся в иудаизм, становится ясно, что этим термином в данном сочинении называются тюркоязычные кочевники Северного Причерноморья и, в частности, хазары. Очевидно, что единственной группой славян, которая отвечает указанному описанию, а именно в силу своего географического положения могла воевать и с тюрками, и с Дунайской Болгарией, и с другими славянами (в данном контексте, очевидно, поляками), были восточные славяне. Южные славяне не могли воевать с тюрками, а западные – не только с тюрками, но и с болгарами. Поскольку одна локализация исключает другую, становится затруднительно точно определить то славянское племя, про которое писал анонимный автор рукописи «Ахбар аз-Заман». Нам остается предположить, что наш источник либо перепутал далекие от него народы, к тому же родственные между собой, сведения о которых он получал явно из вторых рук, либо то, что

¹⁸ Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. 2. С. 309.

¹⁹ Крюков В.Г. Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-Заман» («Мухтасар ал-аджаиб») о народах Европы // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 г. М., 1983. С. 200–201.

он описывал один славянский народ, но совместил в своем сочинении сведения, относящиеся к различным этапам его истории, что также неоднократно бывало в арабской географической литературе. Как видим, даже до далекого Арабского Востока дошла весть о весьма умственно развитом славянском языческом племени, у которого было семь праздников в честь небесных светил, из которых самым главным был праздник в честь солнца.

Наиболее близкую мифологическую аналогию этому сообщению мы видим у сербов: «Рассказывают они и о солнечном царстве: Царь-Солнце, молодой и прекрасный юнак, сидит в нем на золототканом пурпурном престоле, а подле него две девицы – Заря-утренняя и Заря-вечерняя, и семь ангелов-судей – звезд и семь вестников – звезд хвостатых (комет) и лысый дедушка – старый месяц»²⁰. Следы подобного же представления, в котором дневному светилу отводилась главенствующая роль, встречаются нам и в русском фольклоре: «Солнце – царь неба, луна и звезды – его семья»²¹.

²⁰ Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян. СПб., 1846. С. 11.

²¹ Народный месяцеслов. Сост. Г.Д. Рыженков. М., 1989. С. 82.

Астрономические наблюдения за солнцем славянских жрецов

Поскольку солнце считалось славянами божеством и верховным правителем, то неудивительно, что наши далекие предки, большой ум и способность к искусствам и наукам которых отмечали даже далекие мусульманские писатели, внимательно наблюдали за его перемещениями по небу. Другой арабский автор, Аль-Масуди, прозванный за свою ученость «Геродотом Востока», оставил нам следующее описание одного славянского языческого храма: «В славянских краях были здания, почитаемые ими. Между другими было у них одно здание на горе, о которой писали философы, что она одна из высоких гор в мире. Об этом здании существует рассказ о качестве его постройки, о расположении разнородных его камней и различных их цветах, об отверстиях, сделанных в верхней его части, о том, что построено в этих отверстиях для наблюдения над восходом солнца, о положенных туда драгоценных камнях и знаках, отмеченных в нем, которые указывают на будущие события и предостерегающие от происшествий пред их осуществлением, о раздающихся в верхней его части звуках и о том, что постигает их при слушании этих звуков»²². Этот небольшой отрывок дает нам целый комплекс поистине бесценной информации о подлинном уровне развития наших предков до их насильственной христианизации. Мы видим, что этот воздвигнутый на высокой горе языческий храм был одновременно и настоящей астрономической обсерваторией, поскольку в верхней его части были сделаны специальные отверстия для наблюдения за восходом солнца. Само наличие этих отверстий предполагает существование при храме специальных жрецов, которые на протяжении длительного периода вели наблюдения за дневным светилом, поскольку без этого точно определить место, где следует сделать эти отверстия, было попросту невозможно. Мы не знаем, наблюдали ли эти жрецы-астрономы солнечный восход каждый день, либо эти наблюдения проводились в какие-то определенные даты, скажем, солнцестояния и равноденствия. Утверждение Масуди об указывающих на будущие события знаках уже давно рассматривается как одно из немногих объективных свидетельств о существовании у славян письменности в дохристианский период. Мы не можем однозначно судить, на основании чего волхвы делали свои пророчества, однако поскольку сам их храм являлся солнечной обсерваторией, то со значительной степенью вероятности мы вправе предположить, что свои предсказания славянские жрецы делали на основании наблюдений за дневным светилом, тем более что еще после насильственной христианизации нашей страны солнечные затмения в народном сознании предвещали смерть князя и данное представление было свойственно даже монахам-летописцам. Поскольку волхвам, как мы увидим ниже, была известна истинная природа солнечных затмений, то вполне вероятно, что храмовое жречество могло рассчитывать наступление этих событий и, на основании этого, делать свои предсказания. Наконец, заслуживает внимание и последнее обстоятельство, отмеченное «Геродотом Востока»: при солнечном храме существовала и своя храмовая музыка, звуки которой раздавались из верхней части святилища и производили на слушателей какой-то особенный эффект. Сам факт ее регулярного исполнения предполагает наличие при храме уже не простого деревенского хора, а группы профессиональных музыкантов, в состав которых входили, скорее всего, гусли. К сожалению, из описания Аль-Масуди мы не можем точно определить, где находился этот удивительный храм – у восточных или у западных славян. Внимательно проанализировавший это уникальное известие о солнечном храме в контексте всей арабской географической литературы А.П. Ковалевский предпо-

²² Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 139.

жил, что данное святилище, равно как и второй описанный Аль-Масуди храм, находились в Карпатах: «Упоминаемые здесь горы связаны с арабскими сообщениями о высоких горах в стране славян, именно о Карпатах, находившихся на “границе между Византией и Хазарией” в те времена, когда владения этой последней простирались далеко на западе. В таком случае Черная гора нашего текста может быть сопоставлена с известной Черной горой в верховьях реки Черемош»²³. Понятно, что окончательное слово в этом вопросе может сказать лишь археология, однако последующая судьба святилища-обсерватории абсолютна ясна – этот уникальный центр славянской культуры был безжалостно уничтожен приверженцами новой религии, которым было крайне выгодно представлять дело так, что до прихода христианства на их земли славяне жили звериным образом, по-скотски.

Однако, несмотря на все старания христиан, отдельные пережитки древней традиции сохранялись очень долго. «Сниженный» вариант наблюдения восхода солнца, но уже не языческими жрецами, а всеми крестьянами деревни, был описан на Руси еще в первой половине XIX в. И.П. Сахаровым: «Поселяне Тульской губернии выходят под Петров день *караулить солнце*, как оно *будет играть на небе* при своем восходе. Это верование, известное исландцам, сохранилось только в одной Тульской губернии. Поселяне, всех возрастов, собираются на пригорке, раскладывают огонь и в ожидании солнца проводят ночь в играх и песнях. Едва начет восходить солнце, все испускают радостные клики. Старики наблюдают, как солнышко играет по небу: оно то покажется, то спрячется; то взойдет вверх, то опустится вниз; то заблещет разными цветами – голубым, розовым и белым, то засияет ясно, что ничьи глаза не стерпят. Молодые поют песню: “Ой, ладо! На кургане”»²⁴. Весьма близкое описание этого же священного обряда было сделано в 1828 г. Броневским: «С большой торжественностью крестьяне и крестьянки в лучших праздничных нарядах в ночь на петров день, за час до света, идут на высоту холма и там с немым, но красноречивым восхищением ожидают величественного зрелища восходящего солнца, что они называют “караулить солнце”. Они верят, что солнце в сей день при восхождении своем играет: то спрячется, то покажется, то повернется, то вниз уйдет, то блеснет голубым, то розовым, то разными вместе цветами. Как только покажутся первые лучи, запевала начинает, и все подхватывают песню с припевом: “Ой ладо! Ой ладо!”»²⁵ Эти два описания крестьянского праздника хоть в какой-то степени позволяют нам почувствовать атмосферу, которая царила в языческом святилище более чем тысячу лет назад. В обоих случаях наблюдение велось именно за восходом, и притом с возвышенности: храм стоял на горе, тульские крестьяне собирались на холмах и пригорках. На крестьянском празднике восход солнца приветствовался песней, а в языческом храме сверху раздавались некие звуки, хоть Масуди и не сообщает, по какому поводу они издавались, можно предположить, что и они были приурочены к каким-то моментам наблюдения дневного светила. Стоит отметить, что в некоторых местах Руси песнями встречали не только восход солнца, но и его закат. Приурочено это было к первым осенинам (проводы лета и встреча осени), которые после принятия христианства были приурочены ко второму Спасу (6/19 августа), когда крестьяне выходили в поле провожать заход дневного светила песнями и, что характерно, с этого же дня начинались засидки с огнем.

Ориентация на восходящее солнце встречается нам и в некоторых других славянских языческих святилищах, которые не выполняли функцию астрономических обсерваторий. Так, например, Аркона, главный сакральный центр всего западнославянского Поморья, была расположена на холме мыса, обращенного на восток, и, соответственно, туда же, навстречу

²³ Ковалевский А.П. Аль-Масуди о славянских языческих храмах // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М. 1973. С. 84.

²⁴ Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 7. С. 41–42.

²⁵ Соколова В.К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX века. М., 1979. С. 259–260.

лучам восходящего солнца, были обращены и стоявшие в храме идолы. О том, что подобная ориентация была отнюдь не случайной, свидетельствует описание другого западнославянского языческого храма, переделанного в христианскую церковь: «Так в саксонском городе Ютробоге был еще в XVI в. храм языческий, построенный из камня со сводом, низкою дверью и отверстием против солнечного восхода»²⁶. Об этом же сообщает и Экхардт: «Вероятно, это светило (солнце) и место его первого появления под именем Ютробога было для них [лужичан] священным. <...> Не тот ли он вид имел, какой засвидетельствован “Саксонской хроникой”: “Держали перед собой идола, означающего солнце, испускающего лучи от лица, с огненным кругом на груди”? <...> Ютробога единогласно считали добрым богом. Кроме того, есть стойкая традиция древних о том, что язычники в некоем храме, сооруженном из камня, где окна глядели на восток, почитали Зарю и часто наблюдали приход [своего] бога»²⁷. Несмотря на то что «Памятники Ютербога» Экхардта – это более чем поздний источник, написанный в 1732 г., тем не менее сам этот топоним, перешедший в немецкий язык из славянского, описанные в Новое время средневековые достопримечательности этого города, а также приведенные выше письменные и археологические свидетельства наблюдения восхода солнца славянами в комплексе позволяют допустить, с известной долей осторожности, существование у западных славян поклонения богу утреннего солнца. Такое же положение дел мы можем наблюдать в Восточной Европе и у новгородских словен, бывших тесно связанных со своими западнославянскими братьями. Во время раскопок слоя первой половины X в. Неревского конца Новгорода были обнаружены остатки жертвоприношения, совершенного первыми поселенцами этого места. После ритуального братчинного пира была вырыта специальная яма, вдоль западной стенки которой полукругом были поставлены на ребро семь деревянных ковшей, около южной стенки были вертикально поставлены два куса воска да два ковша, опрокинутые вверх дном, были положены в середине. Раскопавший этот жертвенник В.В. Седов особо отметил: «Следует обратить внимание на положение братчинных ковшей и кусков воска. Располагаясь по полуокружности, все семь ковшей внутренней стороной были обращены на восток, навстречу лучам восходящего солнца. Такое положение, по-видимому, типично для славянских языческих жертвенников»²⁸. Аналогичное положение дел имело место и в раскопанном тем же исследователем святилище Перуна под Новгородом. Капище в Пырьни представляло собой круглую площадку диаметром в 21 м, в центре которой находился идол громовержца. Вокруг площадки был вырыт неглубокий ров в виде восьми лепестков, ориентированных по сторонам света. В каждом таком лепестке исследователями были обнаружены следы кострищ, однако, как показывают археологические данные, неугасимым был только восточный костер, что опять-таки указывает на ориентировку всего святилища навстречу лучам восходящего дневного светила.

Следует отметить, что традиция подобной восточной ориентации не ограничивалась одними святилищами и перешла на домостроительство, надолго пережив насильственную христианизацию нашей страны. В крестьянской избе наиболее почитаемым и сакральным считался так называемый **красный угол**, где находились иконы (в языческую эпоху изображения домашних божков или домовых) и стол. Как отмечал еще в XIX в. В.И. Даль, красный угол дома был обычно обращен на юго-восток, в результате чего солнце утром входило в избу передними, красными окнами. Подобное совпадение наиболее сакрального места с ориентацией на восток на обыденном, домашнем уровне является отнюдь не случайным. Исследователи отмечают, что и само оформление киота-божницы для икон в красном углу в самых разных регионах восточнославянского мира вплоть до недавнего времени несло

²⁶ Срезневский И.И. Исследование об языческом богослужении древних славян. СПб., 1848. С. 45.

²⁷ Матерь Лада. М., 2004. С. 419.

²⁸ Седов В.В. Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК, вып. 65. 1956. С. 141.

на себе явный отпечаток древних дохристианских верований: «На киотах для икон, невзирая на их принадлежность к новому культу, истреблявшему языческую архаику и, в частности, культ солнца и “белого света”, мы видим ту же самую систему оберегов, которая так явно проступает во внешней и внутренней орнаментике дома. Для Севера примером может служить киот из Медвежьегогорского района. Две горизонтальных доски киота сплошь покрыты резьбой: по углам – солнце (три в “бегущем” варианте; одно в виде “белого света”), а между солнцами – обычная пиктограмма вспаханной земли... Для Украины можно взять в качестве примера доски от киота из Левобережья. На одной доске чередуются правильные квадраты вспаханной земли (составленные из девяти маленьких квадратиков) и огромные шестилучевые солнца. Сверху вниз текут зигзаговые линии воды. Вода показана и внизу. Вторая доска более сложна... Солнце здесь изображено очень оригинально: оно дано двумя концентрическими кругами, образующими неширокое кольцо, на котором косые черточки как бы обозначают “бегущее солнце”. Внутри кольца точно так же, как и на первом киоте, показаны девять квадратиков вспаханной земли. С солнцами-кольцами чередуются церковные (“гогофские”) кресты, что опять-таки подтверждает символическое, религиозное значение двух знаков... Итак, расположенная в красном углу христианская божница XIX – начала XX в. с ее набором икон оказалась примером двоеверия, сосуществования церковных изображений, заимствованных тысячу лет тому назад, с древними символами, идущими из значительно более глубоких пластов времени»²⁹. Все эти примеры показывают нам, что ориентация навстречу лучам восходящего солнца была свойственна не только описанному Масуди языческому храму-обсерватории, но и другим славянским святилищам, а когда они были уничтожены, данная традиция, подчеркиваемая внутренним «двоеверным» украшением домашней божницы, все равно продолжала жить в ориентации на юго-восток красного угла обычной крестьянской избы. Данная ориентация на восток, которая нам ниже встретится еще раз при описании похоронного обычая, была древней славянской языческой традицией, обусловленной представлениями о могучей животворящей силе дневного светила, способной даровать благо людям и сокрушать любые происки сил зла, как об этом будет сказано далее.

Достигнутый в дохристианский период высокий уровень астрономических знаний у славян не пропал бесследно. Даже после того, как им силой оружия была навязана новая религия и их заставили отречься и постепенно забыть своих истинных богов, в различных концах славянского мира нам встречаются следы древних языческих знаний о солнце. Следует отметить, что христианству изначально не было свойственно относить своего бога с теми или иными явлениями природы и, в частности, с солнцем. Тем не менее в период распространения по территории Римской империи ему пришлось бороться за умы и души людей с солнечной религией Митры, пришедшей на запад из Ирана. День рождения своего божества приверженцы митраизма праздновали 25 декабря, в день зимнего солнцестояния. Побуждаемые острой конкурентной борьбой, христиане «позаимствовали» эту идею у своих соперников и приурочили Рождество Христово к этой же дате. Об устойчивости языческой подосновы праздника свидетельствуют слова Блаженного Августина (354–430), увещевавшего своих братьев во Христе праздновать этот день не как язычники, отмечая рождение солнца, а ради того, кто сотворил солнце. Бывший римским папой с 440 по 461 г. Лев Великий точно так же осуждал вредоносное суеверие своих современников о Рождестве как о возрождении солнца, а не как о Рождестве Христовом. Окончательно развеивает все сомнения по поводу происхождения данного праздника приводимое Д. Фрэзером свидетельство одного сирийского христианского автора про установление даты Рождества: «Отцы церкви перенесли празднование с 6 января на 25 декабря вот почему. У язычников был обычай того

²⁹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 497–498.

же 25 декабря праздновать день рождения солнца, в честь которого они зажигали огни. Христиане также принимали участие в этих торжествах. Когда церковные власти поняли, что христиане сохраняют пристрастие к этому празднику, они посоветовались и решили, что настоящее Рождество должно отмечаться 25 декабря, а 6 января – праздник богоявления (эпифании)»³⁰. Впоследствии к ключевым датам солнечного года, по всей видимости, по тем же причинам, оказались привязаны и другие христианские праздники: в день весеннего равноденствия, 25 марта, стало праздноваться Благовещение и Христово зачатие, 24 июня, в день летнего солнцестояния – рождество Иоанна Предтечи, и 24 сентября, в момент осеннего равноденствия – зачатие Иоанна Предтечи. Несмотря на сделанные заимствования, языческий культ так и остался чужд христианству, в результате чего стали происходить забавные вещи: из-за неточности юлианского календаря уже к Никейскому собору 325 г. Рождество Христово, приуроченное к точной календарной дате, уже приходилось на пять суток позднее реального солнцестояния, которое в тот год произошло уже не 25, а 20 декабря. Победившему христианству это было все равно, однако вчерашние славяне-язычники быстро почувствовали разницу между юлианским календарем и реальным временем и незамедлительно передвинули даты своих связанных с солнцем исконных праздников. Так, жившие на о. Рюген западные славяне стали справлять летний праздник в честь Святовита 15 июня по юлианскому календарю. Аналогичная картина наблюдалась и у восточных славян, которые, по мере нарастания погрешностей юлианского календаря, праздновали день зимнего солнцестояния в XII в. 15 декабря (Корочун), а в начале XVI в. – уже 12 декабря (день св. Спиридона). Еще более показательна русская народная примета: «На Мануила (17/30 июня) солнце застаивается»³¹, т. е. медлит в зените. Народная мудрость подтверждается наблюдениями астрономов, установивших, что к этому времени наша планета действительно сбавляет скорость движения вокруг солнца. Понятно, что такие точные наблюдения за движением солнца, встречающиеся в среде неграмотного крестьянства, предполагают наличие достаточно высокоразвитой культуры астрономических наблюдений, которая в христианстве просто-напросто отсутствовала. Зато ее неудивительно встретить у потомков, «обладавших большим умом и тонкостью в каждой отрасли искусства» славян-язычников, для которых праздник солнца был самым главным в году, и имевших к тому же специальный храм-обсерваторию для наблюдений за восходами своего божества.

³⁰ Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 337.

³¹ Народный месяцеслов... С. 49.

Открытие славянскими волхвами истинной природы солнечных затмений

Однако вершиной астрономических знаний славянских волхвов стало установление ими истинной причины солнечных затмений. В христианских летописях оно впервые правильно указывается под 1563 г., когда автор Псковской 1 летописи отметил: «Того же л#та іюня въ 20, передъ вечеромъ была гибель солнцу, таки м#сяцъ подошолъ подъ солнце, и бысть мрачно не много, въ начале рожденія м#сяца»³². Помимо того, что летописец четко описал механизм солнечного затмения, он еще отметил тот значимый факт, что затмение происходит при рождении месяца. Последнее обстоятельство было зафиксировано В.Г. Короленко в народной устной традиции еще в начале XX в. и, судя по всему, как и примета застаивания Солнца на Мануила, является отголоском языческого наследия, сохранившегося в крестьянской среде. Весьма интересно и описание солнечного затмения 1124 г. в Новгородской 1 летописи: «М#сяца августа въ 11 день, передъ вечернею, почя убывати солнца, и погыбе вс#; о великъ страхъ, и тьма бысть, и зв#зды быша и м#сяцъ и паки начя прибывати, и въборз# напълнися, и ради быша вси по граду»³³. Поскольку месяц при солнечном затмении не может быть виден в своем обычном облике, то Д. Святский осторожно предположил по поводу данного летописного известия: «Возможно, однако, летописец знал истинную причину затмения – присутствие темного месяца на небе, который прикрывал собою солнце»³⁴. Сравним эти данные официального летописания с народным восприятием солнечных затмений. В «Кормчей книге» 1282 г. они описаны так: «Облаки-гонители и отъ селянъ влъкодлаци нарицаются; егда убо погыбнетъ луна или слънце – глаголють: влъкодлаци лоуну изъ#доша или слнъце; си вся басня и лъжа суть»³⁵. Древнерусское обозначение виновников солнечных и лунных затмений было образовано в нашем языке путем соединения двух слов – **волк** и **длака**, т. е. шерсть, руно – и обозначало оборотней, способных по своему желанию менять свой человеческий облик на волчий. Слово **облако(про)гонители**, синонимом которого «Кормчая» и объявляла термин **волкодлаки**, было одним из обозначений языческих волхвов, некоторые из которых, как мы увидим чуть ниже, также обладали магической способностью превращаться в волка. Тот же источник приводит целый ряд применявшихся к ним эпитетов: «глемыя же облакыпрогоньники и чаровники, и хранильники, и вълшьбънники»³⁶. Техника превращения в животных подобных оборотней была изложена в статье об истинных и ложных книгах: «т#ло свое хранить мертво, а летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятломъ, и совою, рыщутъ лютымъ зв#ремъ и вепремъ дикимъ, и волкомъ, летаютъ змїемъ, и рыщутъ рысію и медв#демъ»³⁷. Эти же колдуны-оборотни упоминаются в качестве причины затмений и в других письменных источниках: «да нека ожда в Врколак хоче да прогута сунце» или «крылатые вовкулаки хотят сонце зыісти»³⁸. В свете этих народных воззрений, обличаемых церковниками как «басня и лъжа» простонародья, особую ценность приобретает один фрагмент «Слова о полку Игореве», напрямую соотносимый с только что рассмотренными мифологическими представлениями:

³² Святский Д. Астрономические явления в русских летописях. Пг., 1915. С. 51.

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 21.

³⁴ Святский Д. Астрономические явления... С. 21.

³⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 735.

³⁶ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 212.

³⁷ Там же. С. 212.

³⁸ Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 1 // Историко-астрономические исследования, вып. VII. М., 1961. С. 90–91.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тматороканя,
великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше³⁹.

Описанный «Словом» как волк-оборотень реально жившій полоцкiй князь Всеслав Брячиславович родился в 1044 г., как особо подчеркивает летопись, необычным и магическим способом: «мать же родила его от волхования»⁴⁰. Как это произошло, христианский автор умалчивает, однако этот пробел восполняет былина о Волхе Всеславьевиче (под таким именем князь Всеслав Брячиславович Полоцкий навсегда остался в народной памяти):

По саду, саду по зеленому,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с камени скочила на лютого на змея –
Обвивается лютый змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А в та поры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просвета светел месяц,
А в Кieve родился могуч богатырь,
Как бы молоды Волх Всеславьевич⁴¹...

Обращает на себя не только таинственный отец будущего богатыря, с которым добровольно вступает в брак его мать, но и четко подчеркнутая соотнесенность Волха со светлым месяцем, тогда как обычно русские князья, как было показано в исследовании о Дажьбоге, ассоциировались не с ночным, а с дневным светилом. Далее былина описывает обучение родившегося от волхования богатыря волшебному искусству оборотничества:

А и будет Волх десяти годов,
В та поры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обвертываться ясным соколом;
Ко другой-та мудрости учился он, Волх,
Обвертываться серым волком;
Ко третьей-та мудрости учился Волх,
Обвертываться гнедым туром – золотые рога...⁴²

Как видим, это свое искусство принимать волчье обличье, отмеченное у него былинной, Волх Всеславьевич применил, чтобы, согласно уже «Слову о полку Игореве», пере-

³⁹ Повести Древней Руси. Л., 1983. С. 390.

⁴⁰ ПВЛ. Ч. 1. М.–Л., 1950. С. 304.

⁴¹ Былины. Л., 1984. С. 217.

⁴² Там же. С. 217–218.

сечь путь Хорсу – еще одному божеству солнца, почитавшегося в Древней Руси. Подобный странный образ был использован автором «Слова» далеко не случайно, поскольку 19 апреля 1064 г. произошло солнечное затмение, упомянутое летописью под следующим, 1065 г., причем летописец привел и народное объяснение этого явления: «Пред симъ же временемъ и солнце прем#нися, и не бысть св#тло, но акы м#сяць бысть, его же нев#гласи глаголють сн#даему сущю»⁴³. Хотя монах-летописец и не указал, кто же, по мнению людей, съедал солнце на этот раз, в свете приведенных выше данных можно предположить, что виновником этого события народное сознание традиционно объявило оборотня-волкодлака. Однако вскоре вслед за этим грозным знаменiem «Всеславъ рать почаль» и с многочисленным войском осадил Псков. Естественно, что оба этих события, усиленные к тому же представлениями о сверхъестественных способностях полоцкого князя, соединились в представлении народа и спустя некоторое время отразились в «Слове о полку Игореве». Сопоставив все эти политические, астрономические и фольклорные данные, Д.О. Святский пришел к выводу, «что Всеслав обладал, по мысли автора “Слова”, способностью превращаться в волка или делаться волкодлаком и “перерыскивать” путь богу солнца – Хорсу, иначе говоря, производить солнечные затмения»⁴⁴. Однако стоило волхам, знающим правила мифо-магических соответствий, лишь заменить волка-Всеслава на «светел месяц», с которым полоцкий князь был прямо соотнесен в былине, как они получали истинное описание причины затмений: луна пересекала орбиту солнца – путь Хорса.

Подобное сочетание фактов можно было бы еще счесть случайным совпадением, однако мифологическое сознание стремилось дважды или трижды продублировать важную для него информацию для ее лучшего сохранения. К счастью, подобное положение дел славянские волхвы распространяли и на истинную причину солнечных затмений. В былине отцом Волха Всеславьевича называется «лютый змей». Новгородская фольклорная традиция сохранила для нас данные, позволяющие однозначно решить вопрос о том, какой мифологический персонаж скрывается за образом «лютого змея»: «А вот видишь ты, какое дело было, – начал рассказчик, – был зверь-змияка, этот зверь-змияка жил на этом самом месте, вот, где теперь скит святой стоит, Перюньский. Кажинную ночь этот зверь-змияка ходил спать в Ильмень озеро с Волховскою коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Володимер-князь в Киеве; тот самый Володимер князь, что привел Руссею в веру крещенную. Сказал Володимер князь: “Всей земле Русской – креститься”. Ну и Новгороду – тожь. Новгород окрестился. Черту с Богом не жить: Новый-Город схватил змияку Перюна, да и бросил его в Волхов»⁴⁵. Это бытовавшее еще во второй половине XIX в. в устной традиции сказание было приурочено к Перунскому скиту, где до крещения действительно находилось языческое капище Перуна. Для нас эта новгородская легенда ценна вдвойне: и потому, что в ней верховный языческий бог-громовержец прямо назван «зверем-змиякой», и потому, что она фиксирует знакомый нам уже по былине мотив сожительства Перуна в его змеином облике с женщиной. Проводившие раскопки в Новгороде археологи уже давно отметили, что головы драконов в этом городе достаточно часто украшали собой ручки ковшей, кровли домов, ритуальные жезлы, из чего они сделали вывод, что до принятия христианства дракон для новгородцев являлся символом не отрицательного, а положительного начала и служил оберегом, охраняя дома и их обитателей от зла. В свете этого значительный интерес представляет языческое объяснение природы солнечных затмений. Описывая затмение 1065 г., «Повесть временных лет» отметила, что, по мнению невежд, солнце было объедено, но, к сожалению, не указало кем именно. Данный про-

⁴³ ПВЛ. С. 110.

⁴⁴ Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 1... С. 91.

⁴⁵ Якушкин П. Путевые заметки из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860. С. 119.

бел на основании недошедших до нас летописей восполняет В.Н. Татищев, сообщая о том же самом затмении следующее: «Пред сим же временем и солнце пременися, и бысть аки луна темна; его же, невелика глаголют, снѣдаему сущу от зміа»⁴⁶. Наглядной иллюстрацией мифологических представлений такого рода является новгородская накладная пластинка XIV в., на которой изображен дракон (одицетворявший именно в этом городе, как было показано выше, положительное начало), собирающийся проглотить солнце, изображенное в виде колеса. Вместе с тем анализ относящихся к Перуну отечественных и зарубежных источников позволяет заключить, что он был не только драконом, но и богом луны. Как мы видим, круг замкнулся. С ночным светилом в отечественной традиции оказываются соотносены как бог Перун, так и его сын Волх Всеславьевич, причем оба они оказываются виновниками солнечных затмений: первый в виде дракона, второй – в виде волкодлака. Взятое по отдельности то или иное языческое объяснение этого важнейшего события небесной механики, оказывающего громадное воздействие на древних людей, еще можно было бы счесть случайным совпадением и не рассматривать как доказательство знания волхвами истинной причины солнечных затмений, однако, взятые в совокупности, они свидетельствуют о высоком уровне астрономических знаний славянских жрецов. В связи с этим стоит отметить, что дракон и волкодлак выступали в народном представлении в качестве взаимозаменяемых существ. Такой вывод мы можем сделать не только на основании приведенного выше фрагмента «Кормчей книги» 1282 г., согласно которой оборотни «рыщуть... волкомъ, летаютъ зміемъ», но и на основании народных украинских представлений уже начала XX в. о природе солнечных затмений, в которых оба существа объединены в одно: «Другой раз украинские драконы, крилаті вовкулаки, набрасываются на светоносного великана, желая уничтожить его; вступая с ними в борьбу, солнце на время перестает освещать и согревать землю»⁴⁷. Окончательно все сомнения по поводу знания волхвами истинной причины солнечных затмений устраняет найденная в 1957 г. все в том же Новгороде маска скомороха. Как было показано мной в исследовании про «Голубиную книгу», данная маска изображает Первобога славянской языческой традиции, на лбу которого красным цветом было нарисовано солнце, а желтым – месяц. По обе стороны от соединения небесных светил черной краской были изображены звери, совершенно справедливо интерпретированные В.П. Даркевичем как драконы – мифические виновники солнечных затмений. Именно стремлением сохранить память об истинном положении небесных тел во время прохождения Венеры по диску солнца в момент частного солнечного затмения и был обусловлен отход славянских волхвов от индоевропейской да и собственно самой славянской традиции представлять дневное светило в виде глаза и отождествление его с лицом:

Оттого зачался наш белый свет –
 От Святаго Духа Сагаофова;
 Солнце красное от лица Божья,
 Самого Христа царя небеснаго;
 Млад-светел месяц от грудей Божьих;
 Звезды цястыя от риз Божьих;
 Утренняя заря, заря вечерняя
 От очей Божьих, Христа царя небеснаго...⁴⁸

⁴⁶ Татищев В.Н. История российская. М., 1995. Т. 2–3. С. 85.

⁴⁷ Десятын Г. Украинский Гелиос // Киевская старина, 1882. Т. 4. С. 178–179.

⁴⁸ Бессонов П. Калики переходящие. Вып. 2. М., 1861. С. 286.

Насколько мы можем судить, это астрономическое наблюдение было сделано нашими далекими предками до II тысячелетия до н. э., и с тех пор священный славянский текст о первоначалах Вселенной вместе с содержащимися в нем астрономическими знаниями бережно передавался из уст в уста вплоть до начала XX в.⁴⁹ Об укорененности данной традиции свидетельствует и изображение дневного светила в виде человеческого лица и в одной из миниатюр Радзивилловской летописи. Таким образом, остатки прежних знаний в части наблюдения за дневным светилом, явно выходящие далеко за потребности обычного земледельческого календаря, встречаются нам в стихе о «Голубиной книге», былине о Волхе Всеславьевиче, «Слове о полку Игореве», памятниках новгородского искусства и народных пословицах и в своей совокупности однозначно доказывают правдивость известий мусульманских авторов о чрезвычайно высоком уровне астрономии у славян-язычников. Кроме того, следует отметить, что известия Аль-Масуди о славянском храме – солнечной обсерватории и анонимного автора рукописи «Ахбар аз-Заман» («Мухтасар ал-аджаиб») никак не перекликаются друг с другом, что указывает на то, что пользовались они различными, независимыми друг от друга источниками, и уже это может служить доказательством объективности этих сведений о подлинном уровне развития знания у наших предков до их насильственной христианизации.

Понятно, что знание истинной причины солнечных затмений, а следовательно, способность их предсказывать и пользоваться этим обстоятельством в своих целях, всегда было достоянием достаточно узкого круга посвященных. Свое знание они зашифровали в мифологических символах, и хоть славянские волхвы и оставили ключ к их пониманию в тексте самих памятников, тем не менее для подавляющего большинства населения затмение происходило потому, что дракон действительно глотал солнце. Достаточно быстро этот общемировой образ проник в сказки, где какой-нибудь змей или Чудо-Юдо оказывалось похитителем небесных светил, спасаемых главным героем. По всей видимости, к дальнейшему развитию данного сюжета восходит и следующее представление, зафиксированное у западных славян: «У чехов есть поверье, что... солнце ведет постоянную войну со всемогущей Стригой, побеждает ее, но и само терпит от ран, ею наносимых, до тех пор, пока, по воле Божией, не сокрушит ее»⁵⁰. Данное поверье интересно тем, что в нем противником дневного светила оказывается ведьма-стрига, что отсылает нас к семантическому полю представлений, связанных с отцом Дажьбога Сварогом. Как было показано в посвященном ему исследовании, именно с богом-кузнецом славянское мифологическое сознание связало победу патриархата над матриархатом, внешним символом которого стала победа Сварога над ведьмой, принявшей облик гигантской свиньи. В силу того, что бог солнца являлся сыном небесного кузнеца, как то было подчеркнуто славянским переводчиком Хроники Иоанна Малалы, противоборство с женским вредоносным началом было перенесено и на дневное светило.

⁴⁹ Серяков М.Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М., 2001.

⁵⁰ Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян. СПб., 1846. С. 8.

Глава 2. Солнце и календарь

Установив на основе сопоставления сведений восточных авторов и данных духовной и материальной культуры весьма высокий уровень развития астрономических знаний у славян в древности, отдельные пережитки которых сохранялись вплоть до XIX в., мы вряд ли будем удивлены тем, что дневное светило было тесно связано с народным календарем.

Солнце и народный календарь

С принятием христианства окончание жатвы и встречу осени крестьяне на Руси приурочили к празднику Успения (15/28 августа). При этом в народе отмечали: «С Успения солнце засыпается», т. е. ночи становятся длиннее. С этого времени оно начинало греть землю все слабее и слабее, пока не наступал декабрь – новый поворотный момент солнечного календаря. Характеризуя этот зимний месяц, крестьяне говорили: «Декабрь солнцеворотом славен». Как свидетельствуют памятники письменности, первоначально декабрьский день солнцеворота в Древней Руси носил название Корочюн, под которым он впервые упомянут новгородской летописью в 1143 г. «Не есть ли, однако, “Корочюн”, – задается вопросом Д. Святский, – день зимнего солнцестояния, фактически укорачивающего день до крайнего предела (для XII в. – 15 декабря), после чего начиналось его приращение. Такое понимание позволяло бы перевести текст 1-й Новгородской летописи следующим образом: «Стояла вся осень дождливой, от 15 августа (Успение) до 15 декабря (Корочюн – день зимнего солнцеворота)».

Несколько позже, впрочем, возник уже и новый религиозный праздник зимнего солнцеворота, связанный с именем святого Спиридона – 12 декабря ст. ст. Любопытно, что и все колядные обычаи огня передвинулись с даты 25 декабря на 12 декабря»⁵¹. Этимологические соображения подтверждают предположения историка астрономии, и М. Фасмер так пишет о корочуне: «Славянское слово, скорее всего, связано с сербохорв. *крачати* “шагать”, чеш. *kracetí*, польск. *kroczyć*, в. – луж. *krocic*, то есть “шагающий, переходной день, день солнцеворота”...»⁵² Его данные дополняет указание А.Г. Преображенского на белорусский *корочун* – корчи, злой дух, сокращающий жизнь, нечаянную смерть⁵³.

Как уже отмечал Д. Святский, из-за погрешностей юлианского календаря впоследствии день зимнего солнцестояния перешел уже на день св. Спиридона (12/25 декабря), которого в народе называли Спиридон Поворот, Солнцеворот. Данная дата была ключевой в зимнем периоде, что нашло свое отражение в поговорках типа «Солнцеворот у света ворочит ось, ночи на убыль, дни на подрост» или «После Солнцеворота хоть на куриный шаг, да прибудет день». В этот день Спиридона 12/25 декабря ребята скатывали с крутого берега горящее колесо (этот же ритуал встречается нам и при праздновании Ивана Купалы в день летнего солнцеворота), припевая при этом:

Покатилось колесо с Новгорода,
Со Новгорода и до Киева,
Со Киева ко Черну-мору,
К Черноморью ко широкому,
Ко широкому ли, ко глубокому,
Колесо, гори-катись,
Со весной красной вернись!..

Данная песня недвусмысленно указывала на связь символики колеса и солнца в этом празднике:

Спиридон-свет-поворот

⁵¹ Святский Д.О. Очерки истории астрономии... Ч. 1. С. 79.

⁵² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 366.

⁵³ Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 361.

Стоит прямо у ворот,
Колесо в руке несет,
Красно солнышко зовет...⁵⁴

Как отмечали исследователи еще в XIX в., катание крестьянами горящего колеса с холма подражало движению солнца на небе. Об этом говорит и календарная приуроченность данного ритуала. В Белоруссии, например, колесо, облитое дегтем, зажигали на масленицу, когда оно символизировало возрожденное после зимней спячки солнце, и на Ивана Купалу, когда солнце поворачивало на зиму⁵⁵. В более поздний период колесо использовалось даже для гадания о погоде. А.М. Горький, описав семик на Оке, упоминал о скатывании с горы на Ярилино поле обернутого смоляной паклей колеса. Огненное колесо, по предположению исследователей, было как бы жертвой Яриле, еще одному русскому языческому божеству, имевшему солярный характер, и если оно докатывалось до реки, считалось, что лето будет солнечным и счастливым⁵⁶. Само представление о дневном светиле как о катящемся по небу колесе отразилось и в русском выражении «Солнце закатилось». У других восточнославянских народов мы встречаем устойчивые выражения типа «Солнце колесом у гору идзец» или «Колесом – колесом сонычко в гору йде». Аналогичный образ отразился и в словацкой песне:

Гей, солнышко, гей,
Покрой (своим светом) горы и доли,
Поднимись повыше,
На этой нашей крыше,
Ступай колесом⁵⁷.

Судя по всему, колесо стало символом солнца вскоре после того, как этот предмет повозки был изобретен человечеством. Хорошо этот символ был известен и другим индоевропейским народам. Так, например, в Англии еще с кельтских времен сохранился народный обычай в мае устанавливать на окраине села так называемый «майский столб», высотой 10–15 м. Наверху столба крепилось колесо, от которого к земле протягивались разноцветные ленты. В совокупности все это сооружение явно символизировало солнце и испускаемые им лучи. У восточных славян образ катящегося колеса восходит, как минимум, к эпохе Древней Руси, от которой до нас дошла подвеска в виде колеса с изогнутыми спицами, подчеркивающая процесс его движения (так называемое «сегнерово колесо») и однозначно классифицируемая специалистами в качестве солярного символа. О том, что колесо было некогда объектом даже религиозного поклонения, говорит сохранившаяся до сих пор шутивная поговорка «Жили в лесу, молились колесу».

Сам этот праздник определял характер всей последующей зимы: «Если на Спиридонов день солнышко играет – будут на Святках дни ясные»; «На Спиридона солнце – на лето, зима – на мороз». Более того: по погоде первых двенадцати дней, следующих за днем Спиридона, делали выводы о погоде каждого из 12 месяцев наступающего года: погода 13 декабря показывает погоду на январь, погоде 14 декабря соответствовала погода на февраль, 15 декабря – март, 16 декабря – апрель и т. д. По этому празднику принимали такое жизненно важное для крестьянина решение, как определение времени весеннего сева: «Если на

⁵⁴ Коринфский А.А. Народная Русь. Смоленск, 1995. С. 482.

⁵⁵ Богданович А. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895. С. 115.

⁵⁶ Горький А.М. Собрание сочинений. М., 1951. Т. 13. С. 316–317.

⁵⁷ Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1995. С. 165.

Спиридона с утра будет солнечно, то не спеша с ранним севом»; «Сей, глядя по тому, когда на Спиридона пасмурно: если утро пасмурное, сев должен быть ранний; если пасмурно в полдень – то средний сев будет самый удачный; если вечер пасмурный, то наилучший сев будет поздний»; «Если на Спиридона будет перемена ветра – сей на будущий год гречиху: хорошо уродит». Весьма показательна связь Спиридонова дня с началом весны: «Отколе ветер на Солнцеворота, оттоль будет стоять до Сороков (9/22 марта) весеннего равноденствия».

К Рождеству Христову, первоначально совпадавшему с днем зимнего солнцеворота, был приурочен обряд колядования, во время которого колядовщики ходили по домам, пели колядки, прославляли божество Коляду и желали хозяевам богатого урожая, приплода скота, счастья и здоровья. К новогодним святкам были приурочены и южнославянские русалии, повторявшиеся через полгода: «Поскольку для календарной обрядности характерна приближительная полугодовая повторяемость, летние русалии были, вероятно, в известной степени реминисценцией зимних. Об этом свидетельствует сущность новогодних русалий – заклинание благосостояния общины в целом и всех ее членов, функция русалиев – носителей благополучия... Генезис обрядности связан с идеей кругооборота времени, нового расцвета природы как результата торжества солнца над силами тьмы. Новогодние русалии – явление типологического характера, корни которого лежат в мифологических представлениях и связанных с ними культовых действиях»⁵⁸. Как свидетельствуют письменные источники, русалии справлялись и в Древней Руси, постоянно вызывая ожесточенную критику со стороны церковников, стремившихся любой ценой искоренить этот исконный языческий праздник. Так, например, нашествие половцев на Русь в 1068 г. летописец объясняет приверженностью народа к своим древним обычаям и пренебрежением его к церковной службе: «Но сими дьяволъ лститъ и другими нравы всячьскими лестми превабляя ны от Ба трубами и скомо-рохы, гуслими и русальи. Видим бо игрища оутолочена, и людїи много множество (на них), яко упїхати начнуть другъ друга, дозоры дѣюще от бѣса замышленого дѣла, а цркви стоять егда же бываетъ годъ молитвы мало ихъ обрѣтаются в цркви. Да сего ради казни приемлемъ от Ба всячския, и нахождение ратных по Бжю повелѣнью, приемлем казнъ грѣхъ ради наших»⁵⁹. Хотя помимо летописи русалии неоднократно обличались как происки дьявола в древнерусских поучениях против язычества, однако люди отказались верить, что церковная служба лучше обеспечит их благополучие, чем древние языческие обряды. Созданный через полтысячелетия в эпоху Ивана Грозного «Стоглав» вновь фиксирует широкую распространенность этого праздника в народе, отмечаемого притом несколько раз на протяжении года: «Русали о Ивановѣ дни и въ навечерни Рождества Христова и крещения (варианты № 3 и 4: и въ навечерїи Богоявленїя Господня; вариант № 2: и крещенїе и Васильева дни кесарїйскаго) сходятся мужи и жены и дѣвицы на nocturnal pleasuring и на бесчинный говоръ и на бѣсовские пѣсни и на плясанїе и на скаканїе и на богомерзкие дѣла. И бываетъ отрокомъ осквернение и дѣвамъ растлѣние. И егда мимо ночь ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричанїемъ аки бѣсни и умываются водою. И егда начнуть заутреню звонити, тогда отходятъ въ дома своя и падають аки мертвїи отъ великого клопотанїя»⁶⁰. Итак, из этого памятника следует, что восточные славяне, как и их южные собратья, справляли русалии в момент летнего (Иванов день) и зимнего (Рождества Христова) солнцестояний, что в очередной раз свидетельствует о солярной природе этого праздника. Учитывая то, что счет времени по русалиям проникает даже в летопись XII в., где они связаны с «семиком» (седьмой неделей после Пасхи, завершаемой праздником Троицы), равно как и то, что на Украине и впоследствии «семик» назывался «русалчиным великоднем», т. е. русальской Пасхой, Б.А.

⁵⁸ Велецкая Н.Н. О новогодних русалиях // Славяне и Русь. М., 1968. С. 400.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 170.

⁶⁰ Стоглав. Казань, 1862. С. 188–189.

Рыбаков указал, что русалии на Руси справляли четыре раза в год – зимой (25 декабря в Рождество Христово и 6 января в Крещение) и летом (в «семик», точная календарная приуроченность которого была сдвинута Пасхой, и 24 июня на Ивана Купалу)⁶¹.

⁶¹ Рыбаков Б.А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // СА. 1967. № 2.

Март и начало года у индоевропейцев

Следующей поворотной точкой славянского языческого года было начало весны. Связывалось оно и с представлениями о прилете птиц из вырия и праздновании весеннего равноденствия. Г.Г. Шаповалова так характеризует в целом комплекс связанных с этим временем обрядов: «Весенние обряды представляли собой ряд циклов, направленных на приветствие и благословение “начал”. Первое начало – весеннее равноденствие, 9 марта. Это первые весенние птицы, первое тепло, вернее его признаки, – начало дум о весне и севе. Второе начало – первое весеннее новолуние (Пасха – обход дворов волочечниками) – это радость от реального возвращения тепла, возможности опять начать сельскохозяйственный год, пополнить свои запасы, первый гром, первый дождь. Третье начало – первая трава, первый приплод – Егорьев день. Четвертое начало – Семик и Троица – первая листва, реальные всходы озимых, засев яровых, совершение браков»⁶². Именно с этого периода у наших предков и начинался отсчет нового года. Данная особенность славянского языческого календаря неоднократно отмечалась исследователями. Так, например, Д.О. Святский в своем исследовании писал: «Год наших языческих предков начинался с месяца “сухого”. С принятием христианства и вместе с ним юлианского календаря, весенний месяц “сухой”, начинавший собой год, был переименован в март»⁶³. Отталкиваясь от встречающихся в летописях датировок, И.А. Климишин отмечает, что при определении начала года в расчет принималось положение не только дневного, но и ночного светила: «В результате тщательного анализа летописей был сделан вывод, что Новый год начинался на Руси с появлением новой Луны в первые весенние дни, близкие к весеннему равноденствию, когда снега сходили с полей и вся природа просыпалась от долгой зимней спячки. Но прошедший год мог иметь 12 месяцев, т. е. 354 дня, или же 13 месяцев – 384 дня. Поэтому и начало Нового года на Руси не могло приходиться на одну и ту же дату юлианского календаря, а скользило по числам марта, падая в некоторые годы на февраль и на апрель»⁶⁴. Память о былой значимости марта в языческом календаре была настолько сильна, что уже в христианскую эпоху народные предания и апокрифы связывали с ним момент сотворения мира и человека, правда, уже в новой, библейской трактовке. Так в «Житие св. Стефана Пермского» по этому поводу написано: «Мартъ м#сяць – начало вс#мъ м#сяцемъ, иже и первый наречется въ м#сяц#хъ... Марта бо м#сяца начало быті#а – вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытія въ бытіе, марта же м#сяца въ 21 (25?) день и первозданный челов#къ, родоначальникъ Адамъ, рукою божію созданъ бысть»⁶⁵. Начало марта на Руси считалось началом Нового года вплоть до 1492 г., когда данный праздник был приурочен к 1 сентября. В связи с отмечавшимся выше солярным характером праздника Коляды интересно отметить, что Новгородская кормчая 1280 г. описывает его как «в 1 день марта совершаемое тържество». Следует отметить, что традиция начинать Новый год именно с марта восходит к эпохе индоевропейской общности и ее отчетливые следы встречаются нам в календарях различных народов данной языковой семьи. Так, например, начало Нового года в иранском календаре до сих пор приходится на праздник Навруз (Науруз), соотношенный с весенним равноденствием и отмечающийся около 21 марта. В связи с описанными выше ивановскими кострами в европейской традиции следует отметить, что и иранцы за несколько дней до наступления Навруза раскладывали

⁶² Шаповалова Г.Г. Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография. Л., 1977. С. 111.

⁶³ Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 1 // Историко-астрономические исследования, вып. VII. М., 1961. С. 99.

⁶⁴ Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1990. С. 351–352.

⁶⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 659.

на улицах огонь. Исследователи точно так же связывают этот народный обычай с традицией почитания солнца. Помимо этого праздника начала года и обновления природы особым вниманием у иранцев пользуется праздник осеннего равноденствия Михриджан (Мехрган), справляющийся около 23 сентября и посвященный богу Митре. Отмечавшееся выше представление о дневном и ночном светилах как глазах божества были соотнесены иранцами с этими праздниками, только во время которых день и ночь бывают дважды в течение года равны друг другу: «Науруз с Михриджаном – это два ока времени, как Солнце и Луна – очи неба». Подобно тому, как на Руси начало мироздания связывалось с мартом, аналогичные представления имели место и в Иране: «Что же касается толкователей из персов, то они... сделали Михриджан вестником дня воскресения и конца мира, ибо в этот день (все, что) растет, достигает предела, и вещество роста иссыхает, и животные перестают плодиться. (...) Точно так же они объявили Науруз вестником о начале мира, так как в (день Науруз) имеют место противоположные (Михриджану) обстоятельства». Традиция начинать год именно с марта существовала до календарной реформы Нумы Помпилия и у древних римлян, давших ныне общепринятое название этому месяцу в честь Марса, бывшего у них изначально не столько богом войны, сколько богом плодородия, растительности и дикой природы. Овидий приписывает счет месяцев с марта основателю Рима Ромулу, считавшемуся сыном бога войны и, в честь него, «года начало отцу кровному он посвятил». По мнению, поэта это произошло так:

Город возник; и вещал Вечного города вождь:
«Законодатель войны, от коего крови считают
Был я рожден (и готов это стократ доказать!),
Мы именуем тебя зачинателем римского года:
Первым же месяц в году Марсовым будет у нас!»
Сказано – сделано: назван с тех пор отчим именем месяц, –
Честь эта, как говорят, богу угодна была⁶⁶.

Как видно из приведенных выше индоевропейских календарных параллелей, Овидий ошибался, считая, что отсчет месяцев с марта установил Ромул – данная традиция существовала уже в эпоху индоевропейской общности. Нума, преемник Ромула, стремясь умерить воинственный дух римлян, перенес начало года с марта на январь, однако следы бывшего счета времени остались в названиях месяцев сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, обозначающих на латыни соответственно седьмой, восьмой, девятый и десятый. Произведя элементарный арифметический подсчет, можно легко установить, что первым месяцем в подобном порядке нумерации оказывался именно март.

В качестве бога дневного светила Дажьбог был тесно связан с символикой двенадцати месяцев, составлявших в своей совокупности год солнечного календаря. Введение его славянский переводчик Хроники Иоанна Малалы приписывает именно этому божеству: «И потом царствовал сын его, именем Солнце, его же называют Дажьбог, 7470 дней, что составляло двенадцать с половиной лет. Не умели египтяне иначе считать: одни по луне считали, а другие днями годы считали; число 12 месяцев узнали потом, когда начали люди дань давать царям». Действительно, как показывают археологические и этнографические исследования, первоначально люди считали время по луне, поскольку определить закономерность ее изменений было гораздо легче и быстрее, чем понять закономерности движения по небу солнца. Двенадцать месяцев оказываются неоднократно соотнесенными с солнцем и в русском народном фольклоре: «Рассказывают в сказках, что Солнце есть царь, что он владеет

⁶⁶ Овидий. Собрание сочинений. СПб., 1994. Т. 2. С. 399.

двенадцатью царствами, и в каждом поставил господином одного из своих двенадцати сыновей, двенадцати солнц, что сам Царь-Солнце живет в солнце, а сыновья его живут в звездах, что Солнцевы девы всем им прислуживают, умывают их, убирают и поют им песни»⁶⁷. Понятно, что подобная трактовка соотношения солнца и двенадцати зодиакальных знаков зодиака достаточно поздняя, возникшая в эпоху расцвета солнечного культа, поскольку изначально сам Дажьбог-Солнце считался сыном Сварога, соотносимого с зодиаком. Другой пример дают нам северорусские былины, так описывающие владения солнца:

Во этом во царстве Подсолнечном
Стоял терем-золоты верхи,
Круг этого терема был белый двор
О тех воротах о двенадцати,
О тех сторожах о строгиих⁶⁸.

В эпоху Древней Руси одним из изображений солнца был круг с двенадцатью лучами, явно восходивший к языческой традиции и свидетельствующий о достаточно раннем времени возникновения подобной числовой символики. Как мы видим на подвесках из владимирских курганов, солнечный круг мог быть пустым или же с точкой внутри, символизирующей собой прохождение планеты Венеры по диску дневного светила. Данная особенность, подробно рассмотренная в исследовании про «Голубиную книгу», является еще одним свидетельством чрезвычайно высокого уровня развития астрономии у славян-язычников. То, что солнце однозначно связывалось с двенадцатимесячным циклом еще в языческую эпоху, наглядно демонстрирует нам изображение дневного светила на подвеске Святослава из Белой Вежи, рассмотренной в исследовании о Дажьбоге.

⁶⁷ Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян. СПб., 1846. С. 3–4.

⁶⁸ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб., 1909. Т. 1. С. 249.

Праздник Ивана Купалы

Безусловно, самым любимым и наиболее широко отмечаемым из всех солнечных праздников был день летнего солнцестояния на Ивана Купалу. Данный праздник был своего рода кульминацией солнечного годового цикла. Он начинался в ночь с 23 на 24 июня и нес на себе несомненные следы древнего языческого празднества. В некоторых средневековых русских рукописях он даже считался началом лета: «Так, например, в одном древнем сборнике относительно дня св. Иоанна Предтечи читаем: “Месяца иуния – в 24-й день Рождество честнаго и славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна, отселе начинается лето”. Или же в другом подобном рукописном сочинении замечается: “Лето, второе время года, иуния от 24 числа”»⁶⁹. Что касается самого названия Купала, известного всем славянам, то единства в трактовке его происхождения среди исследователей нет. Одни ученые выводят его из слова **купа** – «куча», имея в виду обычай собирать для купальских костров кучи хвороста, другие – из слова **копать**, связывая его с широко распространенным поверьем поиска и выкапывания из земли чудодейственных кореньев и кладов на купальскую ночь, третьи выводят его из ритуала **купания** в реке. Так или иначе, но связь Купалы с плодородием и языческим культом солнца признается всеми специалистами. С принятием христианства это народное название слилось с именем Иоанна Крестителя, дав в результате подобное «двоеверное» название праздника. Сам термин фиксируется не только этнографами в XIX–XX вв., но и средневековыми источниками. Так, автор Ипатьевской летописи при описании одного из событий, случившихся в 1262 г., дает ему следующую датировку: «на каноунъ и Ивана дни, на самая коупалья». Показательно, что в двух списках данной летописи данное выражение опущено, а вместо него указано «на канон рожства с(вя) т(а) го иоанна»⁷⁰. Подобное характерное исправление показывает, что данный народный оборот явно показался части монахов-летописцев недостаточно христианским и они поспешили его исправить в соответствии с официальным церковным календарем. Тем не менее само понятие широко использовалось, о чем говорит и средневековое граффити № 78 на стене Софийского собора в Новгороде, указывающее время его написания: «НА КОУПАЛИЯ»⁷¹. С тех пор этот праздник дожил под своим названием до конца второго тысячелетия, когда он был подробно описан этнографами. Он носил явно общеславянский характер, поскольку упоминания, а точнее осуждение и запрещение этого по сути своей языческого ритуала встречаются в средневековых памятниках всех трех частей славянства. Наши предки не преминули отметить исключительное положение этих суток во всем годовом цикле. В украинских и белорусских песнях, посвященных этому празднику, пелось: «Купалинка, ночь малинька», а сербы полагали, что *Иванъ данъ* столь велик, что на него солнце на небе останавливается трижды. Летнее солнцестояние, когда был самый длинный день в году и самая короткая ночь, было одним из самых любимых и веселых праздников у наших предков. В одной белорусской песне так красочно описывались радость и веселье, которую нес с собой этот день:

Сегодня Купала, а завтра Ян,
Заиграй, солнышко, заиграй нам,
Чтоб в ясном небе звенело,
Чтоб сырая земля стонала
От девичьего гулянья,

⁶⁹ Калининский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1997. С. 134.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 855.

⁷¹ Мединцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 79.

От женочьего пения⁷².

Однако этой самой радости и не могли простить простым людям представители религии греха и страдания, поспешившие объявить этот праздник богопротивным делом. В своем послании 1505 г. игумен псковского Елеазарова монастыря Панфилий черными красками рисует следующую безрадостную для церкви картину: в канун рождества Иоанна Предтечи чаровницы повсюду ищут «и дивиа корение копают на потворение мужем своим: и сиа вся творят действом дьяволим в день Предотечев с приговоры сотонинскими». Когда же настает время самого праздника, «во святую ту ночь мало не весь град возматется, и в селех возбесятца в бубны, и в сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными игры сотонинскими, плесканием и плесанием, женам же и девам и главами киванием, и устнами их неприязнен клич, и вся скверные бесовские песни, и хрептом их вихляния, и ногам их скакание и топтания; ту же есть мужем и отроком великое падение, ту же есть на женское и девичье шатание блудное им возрение, такоже есть и женам мужатым осквернение и девам растления. Что же бысть во градах и селах в годину ту – сотона красуется кумирское празднование, радость и веселие сотонинское, в нем же есть ликование... яко в поругание и в бесчестие Рожеству Предтечеву и в посмех и в коризну дни его, не ведущим истины, яко сущии идолослужителие бесовскийи праздник сеи празнують». Весь этот языческий праздник народ, несмотря на угрозы и преследования церкви, справлял ежегодно: «Сиче бо на всякое лето кумиром служебным обычаем сотона призывает и тому, яко жертва приноситца всяка скверна и беззаконие, богомерское приношение; а яко день Рожества Предтечи великого празнуют, но своим древним обычаем»⁷³. Польский писатель Мартин сообщает следующее о праздновании Ивана Купалы в своей стране в XVI в.: «С вечера Иванова дня жены зажигали огни, плясали кругом их, пели песни, воздавая честь и мольбы демону. Сего языческого обычая доселе не оставляют в Польше, приносят жертвы из травы черныбыльника, зажигают костры огнем, полученным чрез трение дерева об дерево»⁷⁴. В болгарском «Синоднике царя Бориса» 1211 г. записано: «Иже іоуніа мсца 24 днь на рождство іоанна крстл# вльшвеніа, и плодовъ влаченіа, и елика въ ту ночь скврѣнаа творять таинства и еллинст#и слоужб# подобнаа. Анафема»⁷⁵. Судя по тому, что подобные же праздники проходили и в основных странах Западной Европы, можно предположить, что ритуал этот имел индоевропейские корни. В средневековой Германии, например, даже считали, что в ивановскую ночь оживают все прежние боги и вступают в свои права.

Этнографы, наблюдавшие празднование Ивана Купалы в XIX–XX вв. в различных регионах восточнославянского мира, выделяют пять основных ритуалов и поверий помимо песен и плясок, совершаемых в эту ночь. Во-первых, это обязательное возжигание огня. Во-вторых, собравшиеся на праздник люди совершали предохранительные ритуалы с целью ограждения себя и своего села от нечистой силы. В-третьих, считалось, что в эту ночь в природе проявляются волшебные свойства цветов и трав. В-четвертых, в этот праздник нарушались установленные нормы поведения и совершались различного рода «бесчинства». И, наконец, на рассвете традиционно наблюдалась «игра солнца». Купальские костры обычно разводили у воды и жгли их всю ночь. Впрочем, в отдельных регионах мог быть и другой центр праздника. На Украине костер разводился около дерева: «Важное место в купальской обрядности украинцев занимало обрядовое дерево, оно было центром, вокруг которого

⁷² Славянский фольклор. М., 1987. С. 40.

⁷³ Псковские летописи. Вып. 1. М.–Л., 1941. С. 90–91.

⁷⁴ Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. С. 38.

⁷⁵ Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. LXXXVIII. № 3. СПб., 1910. С. 264.

совершались основные действия. Дерево срубали накануне праздника. Большинство исследователей говорят, что чаще всего брали черноклен, иногда березу, вербу...

Купальское дерево на Украине называли *Мораной* (*Мареной*, *Марой*), т. е. именем древнеславянского мифологического персонажа, олицетворявшего смерть, зиму. Из восточнославянских народов это имя сохранили только украинцы, но в применении уже к летнему обряду (вероятно, по аналогии, потому что дерево уничтожали так же, как поляки и чехи уничтожали Морану; у украинцев этот обряд проводов зимы не сохранился). Называли дерево и именем праздника *Купало*, *Купайло*, *Купайлица*, а в западных областях, на Волынщине, называли его и *гільце* по аналогии с украинским свадебным деревом и венком»⁷⁶. Дерево потом бросалось в воду, чтобы напоить его и вызвать дождь. Встречались и различные варианты этого обряда. Так, например, в полесском селе Симоновичи конский череп, называемый *видьма*, укреплялся на высоком шесте над костром, называвшимся *купайло*, и сбивался в огонь, где он и сгорал, после чего молодежь веселилась, плясала и пела у этого костра. Почти все исследователи отмечали, что купальские костры были тесно связаны с поклонением солнцу и рассматривались как его земное подобие. В.К. Соколова утверждает: «Около дерева раскладывали костер – обязательная и несомненно исконная принадлежность ивановской ночи. (...) Все это – явные пережитки солярного культа. Разжигались купальские костры в старину “древесным” огнем, полученным от трения; этот архаичный способ добытия ритуального огня еще в начале XX в. сохранился в двух местах Волынского Полесья»⁷⁷. Отметим, что подобный огонь практически у всех славян считался «живым» или «чистым» и ему приписывались различные магические свойства. В силу этого и сам огонь использовался как средство очищения, для чего жители деревни прыгали через костер. Впоследствии эта важная функция купальского огня постепенно забылась, и прыжок через него стал рассматриваться в качестве гадания – считалось, что если девушка и парень, взявшись за руки, перепрыгнут через огонь и при этом не отпустят рук друг друга, то они поженятся. Обобщая материалы о календарной приуроченности ритуала зажигания «живого» огня, Б.А. Рыбаков подчеркивал его тесную связь с солнечными фазами: «Священный “живой” огонь (добываемый трением) возжигался славянами три раза в год в связи с тремя солнечными фазами:

а. В конце декабря в связи с зимним солнцестоянием; огонь горел до 6 января, до конца зимних святок. На народных деревянных календарях XVII–XIX вв. знаком солнца обозначался *январь*, месяц “разгорания солнца”.

б. В связи с весенним равноденствием в конце марта. Позднее христианство отодвинуло праздник масленицы на февраль – март, в зависимости от начала Великого поста.

в. У всех славянских и соседних с ними народов отмечается живым огнем праздник Ивана Купалы 23–24 июня, в день летнего солнцестояния, когда явственно выступают два элемента языческого культа – огонь и вода»⁷⁸. Еще раньше о солнечной природе ивановских огней писал Е.Ф. Карский: «И не только у русских видим этот обычай, но он встречался и в Зап. Европе с XII по XVII в. (в Париже, Меце и др. городах, не говоря уже о деревнях). Ввиду такой распространенности зажигать Ивановские огни (*Johannisfeuer*, *le feu de St. Jean*), следует объяснять его скорее не целями практическими, а символическим изображением летнего знойного солнца, которое в этот день, по представлению белорусов, даже играет; на солнце, по-видимому, указывает и встречающийся по местам в Белоруссии обычай зажигать в это время колеса, держа их на шестах, и вообще привлечение колеса к купальской обрядности: обкатывание старого колеса вокруг деревни перед его сожжением или вообще ката-

⁷⁶ Соколова В.К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX века. М., 1979. С. 231.

⁷⁷ Там же. С. 234.

⁷⁸ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 168.

ные его по улице («праз гэта ведьмы мучутца»)⁷⁹. Об особой значимости ритуала ивановских костров говорит хотя бы тот факт, что белорусская песня, приуроченная к празднику Купало, прямо утверждает, что сам бог зажигает святой огонь:

Сегодня у нас Купала... То! То! То!
Сам Бог огонь расклаў,
Усих святых к себе созваў⁸⁰.

С этими данными восточнославянского фольклора следует сопоставить и то, что во Франции этот костер зажигал сам король, что наглядно показывает былую значимость этого ритуала в масштабе всей страны.

Что касается обрядов, призванных оградить людей и скотину от действия нечистой силы, то они могли быть самые разнообразные. Помимо уже упоминавшихся сжигания **видьмы** и обкатывания колеса, этого символа солнца, вокруг деревни, на купальских кострах кипятили воду, в которую клали кусок полотна, через которое процеживали молоко, и втыкали в него девять иголок с обломанными ушками. Считалось, что после этого к костру обязательно должна была прийти ведьма, ворующая молоко у коров. В другом случае из стеблей конопли плели нитку, которую протягивали по песку через улицу, и та корова, которая, переступив эту нитку, поворачивала назад, должна была принадлежать ведьме. В некоторых местах в купальскую ночь ловили лягушку, которой наносилось какое-нибудь увечье, а на следующее утро если у кого-нибудь из женщин оказывалось подобное увечье, то она и считалась ведьмой. Помимо этих и других подобных ритуалов, призванных выявить ведьму, которая потом осмеивалась и изгонялась, применялись и чисто профилактические способы: брали крапиву, которую втыкали в двери, окна дома и хлева, либо же обсыпали свою хату и хлев маком-видуном. Однако разнообразные способы изобличения ведьмы, которую зачастую трудно было вычислить среди других женщин деревни, было лишь частным случаем того тотального всеведения, которое открывалось людям в эту волшебную ночь. «Рассказывали и о чудесных явлениях, происходивших в ивановскую ночь с растениями. Широко бытовало поверье, что деревья в эту ночь разговаривают и даже переходят с места на место. Повсеместно русские, украинцы и белорусы утверждали, что в эту ночь расцветает чудесным огненным цветком папоротник, и счастливцу, сумевшему достать цветок, откроются все клады, он будет сильным, будет понимать язык животных и птиц и пр. (...) Именно поэтому днем или вечером под Ивана Купалу собирали повсюду травы – целебные и чародейные – для ворожбы.

Все эти представления об ивановом дне и связанные с ними поверья были общие у русских, украинцев и белорусов. Можно с уверенностью предполагать, что у них был и общий ритуальный праздник – такой, как он описан в старинных письменных источниках⁸¹. Действительно, во многих местах считалось, что в ночь на Ивана Купалу все деревья и цветы в лесу заговярят между собой и каждое скажет, от какой болезни оно способно помочь. В Полесье был даже записан рассказ о змеях, прилетавших именно в это время и сообщавших людям о чудесных травах, которые могли сделать бессмертными людей и животных: «Була во тут яворыня и туды злеталися змеи на етого самого на купального Ивана и говорили етыи змеи што каже у Корме (название села) есь такэ зилле што коб его хто знав, тоб николи худоба б не дохла, жыла б усю жизнь, не дохла. И у Стодоличах була така криница и був таки поплау, его нихто не орау, сичас уже его нема, зорали, то понад стодолицкой криницы

⁷⁹ Карский Е.Ф. Белорусы. М., 1916. Т. 3. Ч. 1. С. 185–186.

⁸⁰ Шейн П.В. Белорусские народные песни. СПб., 1874. С. 153.

⁸¹ Соколова В.К. Весенне-летние обряды... С. 229–230.

такэе зелле, штоб николи люди не умирали. Коб его хто знау да урвау»⁸². Подобные представления о змеях как хранителях бессмертия чрезвычайно архаичны и, как было показано в книге о Свароге, восходят к эпохе матриархата, когда эти пресмыкающиеся считались не противниками людей, а их покровителями. Огромный круг легенд и преданий был связан с папоротником, зацветающим над кладом красным цветом ровно в полночь и обещающим сказочную удачу тому счастливцу, которому удастся найти и сорвать его. Однако сделать это было необычайно трудно: помимо того, что его было почти невозможно найти, чудесный цветок ревниво берегла нечистая сила, делавшая все возможное, чтобы не дать человеку завладеть им. Интересно отметить, что одним из названий этого цветка у сербов и хорватов было *sunsek* и, по распространенному у этих народов поверью, расцветал он тогда, когда «солнце побеждает черного волка». Помимо папоротника магические свойства приписывали и сорванному в эту ночь подорожнику – если положить его под голову, то приснится жених, а если сорвать растущий на меже подорожник зубами и дать его своей корове, то потом можно будет вытягивать молоко у чужих коров. Представление о том, что к моменту летнего солнцестояния все травы и растения достигают пика своих целебных свойств, было настолько всеобщим, что даже ему оказался подвержен такой ревнитель православного благочестия и безжалостный борец с языческими обрядами, как царь Алексей Михайлович, который в 1657 г. писал своему сотнику Матюшкину: «Которые волости у тебя в Конюшенном приказе ведомы, и ты бы велел тех волостей крестьянам и бобылям на рождество Иоанна Предтечи июня в 23 день набрать цвету сереборинного, да трав империновой, да мятной с цветом и дятлю и дятельного корня по пять пудов»⁸³. Как только дело доходило до собственного благополучия, сам царь, обычно такой строгий и нетерпимый к исконным обрядам своего народа, благоразумно не стал надеяться на одну только чудодейственную силу христианской молитвы и, забыв о своих ортодоксально-православных убеждениях, обратился к народной мудрости, опустившись тем самым до уровня тех бесоудных чаровниц, которых за сто пятьдесят лет до него так яростно обличал игумен Панфилий.

Судя по всему, максимального расцвета своих сил в ночь на Ивана Купалу достигала не только растительность, но и люди. И именно в эту ночь, когда природа открывала свои тайны людям, следовало, согласно древним представлениям, сделать все, чтобы зачать новое потомство, которое должно было быть богато одарено окружающим миром. Именно этим и объясняется так яростно обличаемая церковниками радость плотской любви в ночь на Ивана Купалу, когда было «мужем и отроком великое падение... и женам мужатым осквернение и девам растления». Этнографические материалы подтверждают наличие группового брака на этом празднике: «Пережитки этого древнего оргиастического характера купальского ритуала сохранялись довольно долго в некоторых местностях Белоруссии. А.К. Сержпутовский приводит такое воспоминание: «Кажуць, что у нуоч на Купала ні жинки, ні дзеукі не лічаць гряхом міець дачыненье з чужымі мужчынамі ці з хлопцамі»⁸⁴. Даже в тех местах, где данный обычай под давлением церкви отошел в прошлое, в самом купальском ритуале встречаются напоминающие о нем отголоски. Как уже отмечалось выше, на западе Украины обрядовое дерево называлось гильцем по аналогии со свадебным деревом и венком, принятым у этого народа. В ряде мест парни садились верхом на коней, вырывали у девчат гильце и сжигали его в костре, в чем исследователи видят намек на ритуальные половые связи молодежи во время весенних и летних игрищ. На большей части Украины дерево называлось не гильцем, а Морана, однако и там парни точно так же пытались отнять его у девушек и разломать, в

⁸² Толстая С.М. Материал к описанию полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 138.

⁸³ Соколова В.К. Весенне-летние обряды... С. 256.

⁸⁴ Там же. С. 256.

результате чего между обеими полами разворачивалась борьба за ритуальное дерево. «Но в основе борьбы парубков и девушек за купальское дерево – пережиток древних весенне-летних обрядов. Дерево являлось здесь не только символом растительности и образом праздника, но и символом девичества (и неслучайно оно стало порой называться гильце). Поэтому его делали девушки, они же его оберегали, парубки же, естественно, старались разрушить, так же как у белорусов парни старались поймать бросаемые девушками венки (тоже символ девичества) и разорвать их»⁸⁵. К этому же кругу представлений следует отнести и чрезвычайно распространенные в восточнославянской купальской обрядности песни и легенды о любви брата и сестры, в результате чего на свете появился цветок Иван-да-Марья. Этот миф о происхождении человеческого рода был проанализирован в исследовании о Дажьбоге; здесь же отметим связь данного праздника с представлениями о наиболее благоприятном моменте воспроизводства своего потомства. Естественно, что для выполнения своего долга перед родом по его продолжению молодежь стремилась выбрать наиболее благоприятный момент в годовом цикле. Правильность этих теоретических построений подкрепляет записанное в Смоленской губернии русское поверье, согласно которому зачатый на Ивана Купалу ребенок станет богатырем⁸⁶. Помимо зачатия здорового потомства, бывшей, по всей видимости, изначальной целью этой стороны сексуального общения полов в этот праздник, по мере складывания упорядоченного, достаточно жестко регламентированного уклада общества, ночь на Ивана Купалу стала играть своего рода роль отдушины, позволяя людям хоть раз в году сбросить с себя накладываемые обществом ограничения и окунуться в атмосферу ничем не регламентированной любви. Другую сторону этого праздника в контексте аграрной культуры давно уже отметили специалисты: плодородие людей должно было оказывать стимулирующее воздействие на плодородие Матери-Земли. Отечественный исследователь С.А. Токарев так определяет время возникновения подобных эротических обрядов: «Все эти разнообразные типы календарных обычаев, обрядов и связанные с ними поверья возникли несомненно в глубокой древности: вероятно, тогда, когда человечество переходило от охотничьему к примитивному земледельческому и скотоводческому хозяйству, то есть в эпоху неолита: в одних странах в V–IV тысячелетиях до н. э., в других позже – в III–II тысячелетиях»⁸⁷. Однако, как показывают археологические находки и, в частности, расшифрованный В.Е. Ларичевым календарь из Мальты, стремление зачать здоровое потомство в определенный день года, присущее еще людям каменного века, было гораздо древнее возникновения земледелия как такового. Кроме этого, самого главного способа временного уничтожения установленных норм в ночь на Ивана Купалу, существовали и другие, более безобидные способы демонстрации опрокинутого повседневного порядка: вытасканные на дорогу лодки, перевернутые телеги, снятые и заброшенные на соседский огород ворота и т. п.

Завершало цикл купальских обрядов наблюдение за «игрой солнца». Выше уже приводилась белорусская песнь, в которой солнце просили заиграть людям. В.К. Соколова отмечает: «Некоторые поверья, относимые к иванову дню, связаны с солнцем. У украинцев и белорусов было широко распространено поверье, что в этот день солнце при восходе играет – переливается всеми цветами радуги, скачет, погружается в воду (“купается”) и снова появляется. Это представление нашло отражение в типовых зачинах купальских песен: “На йвана рано соунцо играло”; “Сонце сходить грае”»⁸⁸. Поскольку на заре солнце купалось, то воде в этот день приписывали особую силу, и купание молодежи становилось еще одним очистительным ритуалом наряду с прыжками через огонь. В Полесье считалось,

⁸⁵ Там же. С. 233–234.

⁸⁶ Кабакова Г.И., Толстая С.М. Зачатие // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 283.

⁸⁷ Токарев С.А. Календарный обычаи и обряды // Атеистические чтения. Вып. 17. М., 1988. С. 42.

⁸⁸ Соколова В.К. Весенне-летние обряды... С. 229.

что «игру солнца» на рассвете после купальской ночи может увидеть только праведный человек. Это представление явно обусловлено рассмотренным выше представлением о тесной связи правды и дневного светила, в силу чего и свою чудесную игру оно дает увидеть только живущему по правде человеку. В селе Споров многие пожилые женщины еще во второй половине XX в. говорили этнографам, что лично видели «игру солнца»: при своем восходе на небо оно начинает двигаться сначала лентами, потом кружками, затем снова лентами и опять кружками, переливаясь при этом синими, зелеными, сиреневыми и красными цветами. В д. Стодоличе «игру солнца» приурочивали не к Ивану Купалу, а к Пасхе, утверждая, что оно предстает перед людьми в зеленом, вишневом, голубом и розовом цвете, однако связь с днем летнего солнцестояния там сохранилась на языковом уровне: если во всем Полесье обычно говорят **солнце грае**, то там – **солнце купаецца**⁸⁹. Как отмечает С.М. Толстая, поверье об игре солнца на восходе или на закате (что фиксируется гораздо реже) встречается у всех славян и отличается большим единством в отношении восприятия и символического истолкования этого явления, но сильно расходится в отношении к его календарной приуроченности. В начале книги уже приводилось описание наблюдения «игры солнца» на Петров день в Тульской губернии. Кроме этих двух дат данное событие также приурочивалось к Пасхе, Благовещенью, Воздвиженью, Рождеству, Троице, Розыграм (понедельнику следующей после троичной недели), Чистому четвергу, Вознесенью, Ильину дню, Десятухе (пятнице десятой недели после Пасхи), а в отдельных местах – и к Крещению. В ряде случаев «игра солнца» знаменовала собой важные для крестьянина узловые моменты года. Так, например, на Благовещение праздновалась третья встреча весны (первая встреча на Сретение, вторая на Сороки): «На Благовещение весна зиму поборола». Этому долгожданному событию радуются люди, звери, птицы, растения, и даже самое солнце «играет». Важной приметой это событие было и на Пасху: «На Пасху небо ясное и солнце играет – к хорошему урожаю и красному лету». Не менее важен для земледельца был и Петров день, также отмеченный игрой солнца: «С Петрова дня – красное лето, зеленый покос»; «С Петрова дня – пожня (покос)». Очевидно, что христианство исказило древний языческий календарь, в результате чего данный ритуал оказался приуроченным к различным церковным праздникам. Тем не менее, по наблюдениям С.М. Толстой, наиболее устойчиво поверье об «игре солнца» оказываются связанными с днем Ивана Купалы, первым днем Пасхи и Благовещеньем (25 марта / 7 апреля). Поскольку Пасха является подвижным праздником, то можно предположить, что в языческие времена данный ритуал скорее всего мог быть связан либо с летним солнцестоянием на Ивана Купалу, либо с весенним равноденствием на Благовещенье. Касаясь терминологии, в которых описывалось данное событие, исследовательница отмечает, что чаще всего использовалось выражение **солнце играет**, вторым, по степени распространенности, было **солнце купается**, также могли использоваться слова «меняется», «гуляет», «дрожит», «сдвигается», «радуется», «веселится», «красуется» (украшается), «цветет», «переливается», «ходит», «бегает», «пляшет», «танцует», «скачет», «прыгает», «кружится», «до венца идет»⁹⁰. Взятое в контексте празднования дня Ивана Купалы, чудесная природа «игры солнца» объединяет его с другими элементами обряда, носящими характер «откровения»⁹¹, такими, как открытие тайн кладов, цветов, растений. В силу этого мы со значительной степенью вероятности можем предположить, что наблюдения за восходом солнца в славянском языческом храме-обсерватории осуществлялись именно в день летнего солнцестояния или весеннего равноденствия, а то и в дни обоих праздников, и могли иметь своей целью увидеть игру дневного светила.

⁸⁹ Толстая С.М. Материал к описанию полесского купальского обряда... С. 140.

⁹⁰ Толстая С.М. Солнце играет // Славянский и балканский фольклор. М., 1986.

⁹¹ Толстая С.М. Материал к описанию полесского купальского обряда... С. 140.

Обычай этот был также весьма древний и о нем упоминал еще в «Вечере Духовной» иеромонах Симеон Полоцкий, отмечавший, что в навечерие дня Ивана Купалы некоторые «доходят до такого безумия, что и касательного великого небесного светила суеверствуют в тот день таким образом: не спят всю ночь в ожидании восхода солнца, с тем, чтобы, увидевши его, рассказывать, как оно играет, скачет с места на место и принимает на себя различные цвета»⁹². Хорошо был известен этот мифологический образ и другим славянским народам, в частности, западным: «Поверье об “игре” солнца в день “Sobotek” (24 июня) сохранилось в Силезии, особенно Верхней, где оно сопровождается обрядом: девушки пекут к этому дню пирожки, называемые “słończęta”, и выходят с ними на заре в поле; положивши их там на чистом белом платке, пляшут вокруг, припевают: *graj #słońce, grai, tutaj są twoje słończęta* и потом, встретя солнце и поклонившись ему, делятся пирожками так, чтобы подарить ими всех близких своих»⁹³. У сербов св. Иван назывался Игрителем, и считалось, что солнце в этот день трижды останавливается на небе и играет в страхе перед богом. Поскольку представление об игре солнца на Ивана Купалу встречается также и у армян, Л.С. Клейн отнес время его возникновения к индоевропейской эпохе.

После летнего солнцестояния день начинал потихоньку становиться короче, вскоре вступала в свои права осень, а за ней и зима, и годовой цикл повторялся.

⁹² Балов А.В. О характере и значении древних купальских обрядов и игр // Русский архив, 1911. Кн. 3. С. 18. Прим.

⁹³ Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян. СПб., 1846. С. 5.

Солнце и недельный цикл

Судя по всему, в Древней Руси дневное светило определяло продолжительность не только годового, но и недельного цикла. У подавляющего большинства европейских и многих азиатских народов дни недели получили свое название от названий небесных светил. Как уже давно отметили исследователи, у всех обитателей Европы, придерживавшихся подобной системы, воскресенье соотносилось с солнцем. В латинском оно называлось *Dies Solis*, в произошедшем от него кимрском *dyw sul*, современных англ. *Sunday*, нем. *Sonntag*, голл. *zondag*, др.-сканд. и современном шведском и датском *sunnurdagr* и во всех этих языках оно обозначает буквально «день Солнца». Как назывался этот день у славян в языческую эпоху – неизвестно, однако после принятия христианства за ним, в конце концов, закрепилось название **воскресенье**, связанное с тем, что, согласно Библии, именно в этот день произошло Воскресение Христово. Поскольку в честь этого праздника запрещалось что-либо делать, первоначально этот день в славянских языках назывался **неделя**, т. е. день, в который «ничего не делают», ср. др. – русск. **неделя**, белор. **нядзеля**, укр. **неділя**, польск. *niedziela*, чеш. *nedele*, болг. **неделя**, серб. – хорв. **неделя**. Впоследствии данный термин стал обозначать календарный цикл из семи дней, но первоначально он относился именно к первому его дню, воскресенью. О том, что отсчет времени начинался именно с него, однозначно свидетельствуют славянские названия остальных дней недели: понедельник, т. е. следующий после «недели» день, вторник – второй после него день, среда – средний день недели, четверг и пятница – соответственно четвертый и пятый дни. О том, что недельный цикл в эпоху Древней Руси начался именно с воскресенья, свидетельствуют не только эти лингвистические соображения, но и данные древнерусской письменности. Так, в новгородской церкви XII в. Спаса на Нередице исследователи обнаружили надпись № 23, которая гласила: НЕПОУСЕЧЬ ПЯСУ. Т.В. Рождественская так расшифровала кажущиеся загадочными на первый взгляд сочетание этих букв: «Эта надпись представляет собой запись первых слогов названий дней недели, сделанную кем-то из служителей или прихожан для памяти: **не** – “неделя”; **по** – “понедельник”; **у** – по видимому, “вторник” с диалектной меной начального в/у; **се** – “среда”; **чѣ** – “чѣтвергъ” или “чѣтвертокъ”; **пя** – “пятокъ”; **су** – “субота”»⁹⁴. Данная традиция оказалась весьма устойчивой, и архаичный счет дней, начиная с воскресенья, а не с понедельника, встречается нам и в записанном во второй половине XX в. полесском заговоре на сон: «Нядзеля с панядзелачкам, вавторок с сарадой, чятверц с пятницаю, а субота адна, як я малада. Ночка цемна, зорка ясна, сон благасчасливый. Саснися мне сон справядливый»⁹⁵. Хотя мы и не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что и у славян-язычников неделя-воскресенье считалось днем солнца, тем не менее приведенные выше индоевропейские параллели делают такое предположение более чем вероятным, особенно если принять весьма развитый культ солнца у наших предков. Явным аргументом в пользу этого предположения является приводившееся в предыдущей главе древнерусское «Слово истолковано мудрости от св. апостол и пророк и отец о твари и о дне рекомом неделе, яко не подобает крестьяном кланятис неделе, ни целовати ея, зане тварь есть», в котором прямо утверждается, что придерживающиеся исконной веры своих отцов восточные славяне «написавше св#т болваномъ і кланяются емоу, то таковіі творца хоулять... Гдѣ рече створимъ заря и слнце и св#тъ пролься і св#ти всю вселеную. і не рече о болван#. Болванъ бо есть во ідолъ написанъ. (...) никто же бо (не) может оуказати образа св#ту. Но токмо видимъ бываетъ»⁹⁶. При

⁹⁴ Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. СПб., 1992. С. 78–79.

⁹⁵ Толстой Н.И. Из наблюдений над полесскими заговорами // Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 141.

⁹⁶ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2 // Записки императорского Мос-

этом данный идол был написан в «во образъ члвчъ на прелестъ малоразумным і на пагубу д(у) шамъ ихъ»⁹⁷ и соотносился с **неделей**-воскресеньем, в силу чего автор «Слова» заклинает своих читателей праздновать Воскресенье Христово, а не одноименный день недели в образе идола: «да чему се есть писана нед#ля. та предана намъ кланятися еі. і чстити ю. (...) тако ти і мы не можемъ ся остати норова того пустошнаго. еже кланятис твари. того д#ля дано імъ нед#ля. да на томъ познають хво воскрнье. (...) і кланяющися воскрсню хвою, а не дни нед#ли»⁹⁸. Косвенно в пользу связи воскресенья с солнцем свидетельствуют и данные латышского языка. Как и у славян, у этого прибалтийского народа дни недели обозначались с помощью числительных, а воскресенье у них называлось *svetdiene* – «праздничный день», первоначально «день света». Наконец, приводившийся выше арабский средневековый источник «Ахбар аз-Заман» («Мухтасар ал-аджаиб») однозначно утверждал, что у части славян «имеется семь праздников в году, которые именуются по названиям звезд, и самый главный из них – это праздник солнца». Хотя восточная рукопись говорила о соотнесенных с небесными светилами годовых праздниках, однако их число точно совпадает с количеством дней в неделе, что делает более чем вероятным изначальную соотнесенность с ними в языческую эпоху и семи дней недели. В своей совокупности все эти данные позволяют нам предположить, что до своей насильственной христианизации и у славянских народов современное воскресенье считалось днем, посвященным солнцу, и, в силу этого, занимало первенствующее место в недельном календарном цикле, задавая в его рамках отсчет времени. Кроме того, как свидетельствуют данные языкознания, у славян именно воскресенье считалось днем, посвященным богу по преимуществу: «В народной традиции воскресенье – сакральное время, посвященное Богу: серб. *божји дан*, пол. диал. *dzień boży, święty dzień*, укр. – карп. *божа неділя*»⁹⁹. Как видим, речь идет о народной, а не о книжной традиции, что позволяет предположить опять-таки языческие корни данного представления.

ковского археологического института. М., 1913. Т. 18. С. 78.

⁹⁷ Там же. С. 79.

⁹⁸ Там же. С. 80–81.

⁹⁹ Толстая С.М. Воскресенье // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 444.

Солнце и древнейшие календари

Когда именно у славян появился рассмотренный выше календарь, точно сказать трудно, и здесь мы вынуждены пока ограничиться рассмотрением процесса возникновения солнечных календарей у народов Старого Света. Кроме того, следует отметить, что одним из способов датировки возникновения у человечества солнечного культа являются разработанные ими способы счисления времени. Как уже отмечалось выше, славянский перевод Хроники Иоанна Малалы особо подчеркивает появление солнечного двенадцатимесячного года именно в эпоху правления Дажьбога. Аналогичный календарь IV в. н. э., рассмотренный Б.А. Рыбаковым, существовал у черняховской культуры. Хотя на сегодняшний день принадлежность ее славянам так и остается недоказанной, тем не менее это показывает наличие солнечного календаря в Восточной Европе в данную эпоху. Однако начало складывания традиции считать течение времени по дневному светилу относится к каменному веку. Так, например, сибирский верхнепалеолитический календарь Мальты, созданный 24 тысячи лет назад, вел отсчет времени с момента весеннего равноденствия и фиксировал ключевые моменты жизни дневного светила. Характеризуя данный календарь как солнечный (что, впрочем, не мешало его создателям внимательно учитывать движения Луны и пяти планет солнечной системы), В.Е. Ларичев задается вопросом: «Если так оно и есть, то не следует ли сделать отсюда вывод, что Солнце, глава семейства планет, олицетворяло собой высшее божество мальтинцев, а сами они были солнцепоклонниками?»¹⁰⁰ Впрочем, говорить о всеобщей распространенности солнечных календарей в эпоху каменного века не представляется возможным, поскольку тоже найденный в Сибири около Ачинска другой календарь, созданный около 20 тысяч лет назад, т. е. более поздний, по сравнению с мальтинским, был в основе своей лунным. Тем не менее и ачинцы тщательно наблюдали за дневным светилом и отметили в своем календаре моменты летнего солнцестояния, осеннего и весеннего равноденствий. Понятно, что у разных племен процесс создания двенадцатимесячного солнечного календаря происходил в разные эпохи, однако мнение о том, что человек каменного века не вел счета времени по солнцу в свете этих археологических находок, представляется явно ошибочной. Примером перехода человека от лунного к солнечному календарю на территории Европы может служить календарь, найденный около болгарского села Слатино и датированный археологами V тысячелетием до н. э. Он был нанесен на глиняную модель печи, выполненной в антропоморфной форме с ушами, глазами и носом. Низ печи был разбит на квадраты, из которых тридцать штук были заштрихованы. В своей совокупности они представляют собой один лунный месяц. О лунном характере слатинского календаря говорит и менандровый узор, нанесенный на стенку печи, интерпретируемый специалистами как наглядное изображение динамики лунных циклов. С другой стороны, сверху было изображено двенадцать знаков, разбитых на три группы, соответственно на 3, 5 и 4 знака. С. Чахаджиев интерпретировал их как символ солнечного двенадцатимесячного года, подразделяемого древними жителями Болгарии на три сезона. Если отсчет велся с зимнего солнцестояния, то первая группа знаков соответствовала январю, февралю и марту, вторая – апрелю, маю, июню, июлю и августу, а третья – сентябрю, октябрю, ноябрю и декабрю¹⁰¹. Календарь из Слатино ценен тем, что показывает процесс перехода энеолитического населения Европы от счисления времени по Луне к его счислению по Солнцу.

¹⁰⁰ Ларичев В.Е. Мудрость змеи. Новосибирск, 1989. С. 237.

¹⁰¹ Чахаджиев С. Археологически данни за календар в началото на каменномедната епоха // Археология. София, 1984. № 2–3. С. 6.

Глава 3. Солярная символика в народном быту

Солнце и небесный брак

Как было подробно показано в исследовании о Свароге, с ним было связано представление о браке Неба и Земли, ставшем архетипом для всех последующих браков. Связь с браком отчетливо прослеживается и у его сына, бога Солнца. Выше мы уже видели, что идея союза мужчины и женщины ради порождения ими наиболее здорового и крепкого потомства была приурочена к купальским игрищам, знаменовавшим собой летнее солнцестояние. Однако с солнцем оказывается связано и представление об астральном браке дневного и ночного небесных светил, оказывающихся в данном мифопоэтическом контексте уже женихом и невестой. Следует при этом отметить то немаловажное обстоятельство, что в рамках данной пары пол солнца и луны может меняться и каждое светило может быть соотносено как с мужским, так и с женским началом. В русском фольклоре встречаются поговорки, представляющие солнце то мужчиной, то женщиной. С одной стороны, поговорка «Без солнышка не пробыть, без милого не прожить» явно соотносит его с женихом. О его мужской сущности говорит и вторая пословица «Солнце – отец, вода – мать урожая». В плане интересующего нас астрального брака чрезвычайно ценна приводимая А.Н. Афанасьевым русская народная пословица, указывающая на соотношенность дневного светила с женихом: «Солнце – князь, луна – княгиня»¹⁰². С другой стороны, не менее многочисленны примеры, когда солнце соотносится с материнским началом: «При солнышке тепло, при матери добро»; «Солнце – родная матушка, месяц – родной батюшка, звезды – родные сестрицы» – или сопоставляется с красной девицей: «Солнышко-ведрышко красной девицей по синему небу ходит, а все на землю глаз наводит». Этой неопределенности соответствуют и русские колядки, в которых дневному светилу соответствует женское начало:

На дворе у него да три терема:
Во первом терему да светел месяц,
Во втором терему красно солнышко,
Во третьем терему часты звезды;
Что светел месяц, то Устинов дом,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звезды, малы детушки¹⁰³.

Как показывает практика, подобное отождествление повторяется достаточно часто:

Светел месяц – Петр, сударь,
Свет Иванович;
Красно солнце – Анна Кириловна;
Частые звезды – то дети их¹⁰⁴.

Аналогичную картину мы видим и в украинской колядке:

¹⁰² Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 81.

¹⁰³ Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 16.

¹⁰⁴ Там же. С. 16.

Що на небі місяць – то наш господарь.
Що на небі зірки – то его дітки,
Що на небі сонце – то его жінка¹⁰⁵.

Однако в другом варианте русской песни солнцу уподобляется уже не жена, а муж:

Что в первом терему красно солнце,
Красно солнце, то хозяин в дому,
Что в другом терему светел месяц,
Светел месяц, то хозяйка в дому,
Что во третьем терему часты звезды,
Часты звезды, то малы детушки;
Хозяин в дому, как Адам на раю...¹⁰⁶

Отметим на будущее эту соотнесенность между собой дневного светила, мужа-домохозяина и первого человека по библейской традиции, а пока посмотрим, что дает нам фольклор третьего восточнославянского народа. Исследовавший его М.В. Довнар-Запольский в свое время писал по поводу этой вариативности пола дневного светила: «Солнце в славянской поэзии является то мужским, то женским началом. Великороссы называют его царь, князь, болгарские песни – женихом, хорваты представляют солнце статным воином. Но женский облик солнца обычнее: великорусские песни называют его красной девицей, сербы представляют его с длинными волосами, а чехи знают о солнце- матери. Не менее обычно представление о солнце и месяце как супружеской паре. В белорусской народной поэзии, особенно свадебной, мы находим очень значительные остатки почитания месяца и солнца, причем первый – неизменно мужское начало, второе – женское»¹⁰⁷. Свое утверждение фольклорист проиллюстрировал следующими примерами: «Сопоставление невесты с солнцем мы встречаем в сравнениях, вроде следующих:

1) Ишло мило солнышко коло лесу,
Роняло искоря по закусьецу,
Ишла, ишла Машечка коло столика и т. д.
2) На дворе сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцинка приводзиць.
3) Отчини, матынька, ваконца,
Вязу тебе невесту, як сонца.
<...>

Другие песни прямо говорят о женитьбе месяца и солнышка: месяц – жених, солнышко – невеста:

Божа раданька перелятала
Через тую рыдельку (изба) Лукашкину.
Веселая рыдалька Лукашкина,
А у кути месяц – Лукашечки,
А на палу рыдельки теплеє совнушко,

¹⁰⁵ Костомаров Н. Историческое значение южно-русского народного песенного творчества // Беседа, 1872. Кн. 4. С. 29.

¹⁰⁶ Сахаров И.П. Сказания русского народа... С. 17.

¹⁰⁷ Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи. К., 1909. Т. 1. С. 347.

Теплое совнушко – Прасковічка.

Приведем еще одну песню из Смоленской губернии:

Из-за моря синяго,
Из-за леса цемнаго,
Из-за поля чистаго
Выхадзиу ясен месяц,
По заутрень ранешенька
Выходило красно солнышко,
Ясен месяц – то Иванушка,
Красно сонце – то Аленушка»¹⁰⁸.

Очевидно, что этот небесный брак послужил прообразом и образцом и для обычных человеческих браков. В связи с этим следует вспомнить, что славянский перевод «Хроники» Иоанна Малалы отнес установление института брака к эпохе правления бога-кузнеца Сварога, а рассказ о каре за его нарушение поместил в повествовании о правлении его сына Дажьбога.

¹⁰⁸ Там же. С. 348, 350.

Крест как языческий солярный символ

Стоит отметить, что комплекс представлений об астральном браке двух важнейших светил встречается нам уже в искусстве Древней Руси. На двух привесках мы видим сочетание креста и полумесяца. Понятно, что последний символ обозначал собой ночное светило. Что касается значения креста, то исследовавший этот вопрос на археологическом материале В.П. Даркевич отмечает: «Крест – древний магический символ, существовавший задолго до христианства у самых различных народов. Первоначально форма креста имитировала древнейшее орудие для добывания огня, поэтому он стал универсальной религиозной эмблемой огня, а затем солнца как огня небесного. Как и огонь, солнце умирает и возрождается в процессе движения по небу. Крест как эмблема солнечного божества становится языческим очистительным символом воскресения и бессмертия задолго до христианства»¹⁰⁹. Действительно, этот символ встречается нам уже в палеолитическом искусстве, и в качестве примера можно привести гальку с нанесенным на нее изображением креста из Тата, относящуюся к эпохе мустье¹¹⁰. Абсолютно независимо от В.П. Даркевича и данных археологии к подобному же выводу пришла и Н.Н. Велецкая на основе исследования южнославянских русалий: «Анализ источников приводит к заключению, что корни русалий генетически связаны с культом солнца и опосредованным им магическими обрядами-заклятиями. Из описаний обряда явствует, что наиболее характерный для русалиев символ – знак креста. Он находится в центре русалийского знамени; металлические кресты прикреплялись к шапке и на груди, украшенной перекрещивающимися платками; знак креста обозначался мечом на лбу у людей, а также у жертвенных баранов; скрещивающиеся мечи – характерный элемент русалийского коло; правило ставить ногу на место предыдущего танцора, вероятно, связано со стремлением к фигуре креста, осеняющего землю; русалии крестят мечами двери домов и очаг; над больными перекрещивают мечи для исцеления; побежденная дружина проходит под скрещенными мечами победителей. С отнесением креста за счет христианства едва ли можно согласиться. Вероятно, крест в русалиях был первоначальным солнечным символом. Этот знак распространен в языческой обрядности. В славянских святочных обрядах он дожил до XX в.»¹¹¹. В подтверждение своего мнения исследовательница приводит и лингвистические данные: прикрепленные на воротах медные кресты назывались у южных славян *sonces* или *soncek*. О языческой символике креста красноречиво говорит и категорический запрет русалиям креститься, молиться по-христиански или поздравлять кого-либо с христианскими праздниками. В пользу нее свидетельствует и приводившееся выше древнерусское запрещение в качестве языческого обычая крестить хлеб и пиво, несмотря на внешнее его сходство с христианской символикой. О истоках данного символа как нельзя более красноречиво говорит и то, что у сербов четко различался христианский крест (*часни крст*) и «народный» крест (*пагански крст*)¹¹², само название последнего однозначно указывает на его языческое происхождение. Еще в XIX в. в Болгарии был даже зафиксирован обычай креститься на солнце, что говорит о тесной изначальной связи этого религиозного символа с дневным светилом: «В болгарских песнях девушка... даже крестится на солнце: “Крст си чини бела Ружа, – Крст си чини срешта слънца”»¹¹³. Следует отметить, что крест на воротах, как отмечал еще И.И. Срезневский, несет на себе подчеркнутую брачную семантику: «Из

¹⁰⁹ Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА, 1960. № 4. С. 57–58.

¹¹⁰ Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967. С. 29.

¹¹¹ Велецкая Н.Н. О новогодних русалиях... С. 396.

¹¹² Белова О.В. Крест // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 651.

¹¹³ Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1995. С. 164.

пословиц хорутанских вспомним: “Razswetli se sonce i na wratich mojich”. <...> Объяснением первой, которая принадлежит и многим другим славянам, может служить обычай ставить на воротах медный крест в звезде за всякого женатого члена семьи – обычай, известный и многим русским; этот крест называется “sonces” или “soncek”, и выставляется на другой день свадьбы с обрядом, называемым посвящением – “poswecilo”»¹¹⁴. У восточных славян символика креста зафиксирована применительно к купальскому ритуалу в одной полушутливой белорусской песне, описывающей древний обряд поклонения Купале, воспринимавшейся в данном случае в виде не мужского, а женского божества:

Сяред сяла Воучковского
То-то! (припев с пристукиванием и топотом)
Ту-ту стояла лазня дубовая (сени с навесом, открытая часовня)
Ту-ту-ту!
А ходили детюшки (парни, молодцы) богу помолиться:
То-то!
Стоуб обнимали, печь цаловали
Ту-ту-ту!
Перед Сопухой (Купалой) крыжом ляжали
То-то!
Яны думали – прачистая,
Ту-ту-ту!
Анож Сопуха (Купала) нячистая!
То-то!¹¹⁵

Итак, мы видим, что перед Сопухой-Купалой участники праздника расстилались на земле в форме креста-крыжа. Выражение **лежать крестом**, т. е. растянувшись на полу и разведя руки, отмечает для XIX в. и В.И. Даль. Хотя в данном случае олицетворение летнего солнцестояния и выступает в женском обличе Купалы, о которой люди думали, что она прачистая Богородица, в то время как она являлась, с точки зрения новой религии, представительницей нечистой силы, тем не менее и здесь солнцестояние связано с символом креста, причем креста явно не христианского, а языческого.

Закреплению в народном сознании возникшей в древности на основе религиозно-магической символики связи солнца с крестом способствовали и реальные астрономические явления наподобие тех, которые были описаны средневековым летописцем под 1104 г.: «В се же лѣтѣ быс знаменье стояше слнце в крузѣ, а посредѣ круга крсть, а посредѣ крта слнце, а внѣ круга обаполы два слнца, а надъ слнцѣмъ кромѣ к(р)уга дуга рогама на сѣверѣ»¹¹⁶. Понятно, что подобные оптические явления, видимые всеми на небосводе, наглядно свидетельствовали о связи дневного светила с символом креста. Мы имеем возможность представить данное явление на основе миниатюры Радзивилловской летописи.

Что касается христианского символа креста, то здесь мы имеем дело с одной из крупнейших мистификаций в мировой истории, о которой знают лишь специалисты. Начать следует с того, что в древнейших из дошедших до нас греческих текстах Нового Завета нигде не говорится, что Иисуса Христа распяли именно на кресте. Там это орудие казни обозначается двумя терминами: «стаурос» – «столб» и «ксюлон» – «дерево». Таким образом, оригинальный текст Нового Завета свидетельствует лишь о том, что Иисус Христос был распят

¹¹⁴ Срезневский И.И. Об обожании солнца у древних славян. СПб., 1846. С. 10.

¹¹⁵ Безсонов П. Белорусские песни. М., 1871. С. 29.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 280.

или повешен на столбе или дереве. Что же на самом деле представлял из себя библейский «стаурос», однозначно сказать трудно, но, по мнению ряда исследователей, он был обычным бревном безо всякой поперечной перекладины, на которое крепились веревки, петли от которых накидывались на руки и шею приговоренного к смерти преступника. Как бы то ни было, в том, что принятое в христианстве традиционное изображение распятия Спасителя не имеет никакого отношения к исторической действительности, сходятся большинство независимых специалистов. С.А. Токарев по этому поводу отмечает: «Кульτ креста, например, ничего не имеет общего с предполагаемым орудием казни Христа. На крестах действительно распинали, но они имели форму буквы “Т”. Христианский крест – это чрезвычайно древний религиозный символ, который встречается на древнеегипетских, критских и других изображениях. Происхождение его установить пока трудно, но во всяком случае кульτ креста никоим образом не связан с легендой о крестной смерти Спасителя. На древнейших христианских памятниках (погребениях) в качестве священных символов встречается не крест, а другие изображения: агнца, пастуха с агнцем на плечах, рыбы и др. Позже появляются кресты разных форм, но без всякого распятия. Изображения распятого на кресте Иисуса начали делаться только с VIII–IX вв.»¹¹⁷. Таким образом, ненависть к язычеству не помешала христианству совершить у него обыкновенный плагиат креста, ставшему у новой религии ее основным религиозным символом.

Установив на основании широкого круга независимых друг от друга источников истинное значение креста, приведем теперь мнение В.П. Даркевича по поводу его сочетания с полумесяцем в древнерусском искусстве: «Иногда между рогов лунницы помещался крест – символ солнца. Вся композиция воспринимается как единый солярно-лунарный символ. Вместе с тем она может иметь более широкий смысл, нести двоякую символику. В языческих религиях почитание солнца и месяца как божеств – покровителей брака представляет очень распространенное явление. Месяц обычно является началом мужским, женихом, солнце – невестой. Эти небесные светила являются божественной брачной парой, брак которой служит прототипом человеческих браков»¹¹⁸. Таким образом, крест с полумесяцем, венчающий сейчас навершия православных церквей, восходит своими корнями к языческому символу астрального брака двух основных небесных светил. Зародившись в языческой Руси, этот символ, в основе своей сексуально-брачный, был затем «позаимствован» православной церковью, которая, не подозревая об его истинном значении, переосмыслила его и активно использует до сих пор. Однако самым первым браком мироздания был брак Неба и Земли, в то время как брак Солнца, сына Неба, с Луной был уже вторым браком. В пользу этого говорит не только мифологическая генеалогия действующих лиц обоих браков, но также и то весьма важное обстоятельство, что Небо в славянской традиции всегда считалось олицетворением мужского начала, а Мать Сыра Земля – женского, в то время как половая принадлежность Солнца и Месяца подвержена изменениям в различных вариантах. Понятно, что неустойчивая половая идентификация двух важнейших небесных светил была вызвана не мыслью о том, что они могут менять свой пол, а включенностью одних и тех же объектов в различные комплексы мифо-магических соответствий, в рамках которых они могли занимать разнообразные, подчас даже диаметрально противоположные позиции. Следует отметить, что мотив брака Солнца и Луны, равно как и колебание их половых признаков, встречается у различных индоевропейских народов, в результате чего мы можем датировать сложение данного мифа эпохой индоевропейской общности. Наиболее известным примером этой мифологемы является ведийский свадебный гимн (РВ X, 85)¹¹⁹, в котором в качестве

¹¹⁷ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 487–488.

¹¹⁸ Даркевич В.П. Символы небесных светил... С. 61.

¹¹⁹ Здесь и далее все ссылки на «Ригведу» даются по изданию: Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989; Ригведа. Мандалы V–

мифологического образца земного брака описывается свадьба Сурьи, дочери бога солнца Савитара, с богом луны Сомой. Поэт всячески подчеркивает космический характер этого события, так повествуя о свадебной процессии дочери солнца:

Мысль была ее повозкой,
А небо было крышей (повозки),
Два светлых (месяца) были упряжными,
Когда ехала Сурья в дом (жениха).
(РВ X, 85, 10)

Как и в большинстве приведенных выше восточнославянских текстов, месяц здесь представлен в виде мужского начала, а солнце, если не непосредственно в виде самого божества дневного светила, то, по крайней мере, в лице его дочери соотнесено с началом женским. Аналогичные представления есть и в балтском фольклоре. Вместе с тем сравнительная лингвистика убедительно показывает, что солнце воспринималось и как мужское начало: арм. *arek* – «солнце», др.-инд. *arka* – «солнце», но и.-е. *ar* – «мужчина»; др. – англ. *ceorl* – «мужчина», «человек», но ирл. *grian* – «солнце»; др. – англ. *haeler* – «мужчина», но греч. *ἡλιος* – «солнце»; авест. *xveng* – «солнце», но др. – англ. *secg* – «мужчина»¹²⁰.

Хоть индоевропейский миф о браке между собой двух основных небесных светил носит явно вторичный характер по сравнению с исходным мифом о браке Неба и Земли, тем не менее время его возникновения отличается глубокой древностью. На территории нашей страны следы бытования мифа об астральном браке Солнца и Луны впервые встречаются в верхнепалеолитическом погребении в Сибири у села Мальта (расположенного в 85 км к западу от Иркутска), отстоящего от нашей эпохи на 24 тысячи лет. В результате наложения ритуальных погребальных украшений, включающих в себя как изображения фаллоса, так и изображение беременной женщины, на лунно-солнечный календарь мальтийской культуры, В.Е. Ларичев пришел к выводу, что одним из ее ключевых сюжетов был миф об астральном браке Солнца в день весеннего равноденствия с полной Луной, в результате чего через 273 дня произошло рождение всего сущего во Вселенной. Рождение у этой пары потомства календарно приходится на период возрождения сил самих небесных светил: Луна появляется на небе в виде узкого месяца, а Солнце оказывается «обновленным» или заново «рожденным» после зимнего солнцестояния, начинающим собой новый календарный сезон.

Интересно отметить, что на Руси встреча двух основных небесных светил была приурочена к конкретной календарной дате. А.П. Шапов отмечал, что в народе считали, что в Иванов день солнце выезжает из своего чертога на трех конях – серебряном, золотом и бриллиантовом – на встречу месяцу, которая, таким образом, происходила в день летнего солнцестояния. На 24 июня как на день брачного союза Солнца и Месяца указывал в своем фундаментальном труде и А.Н. Афанасьев. С другой стороны, это знаменательное событие приурочивалось к 8/21 апреля, на который после принятия христианства пришелся день Св. Родиона: «По старинному поверью солнце в этот день встречается с месяцем. Добрая встреча обозначается ясным солнцем и светлым днем. Из этого выводят предположения о хорошем лете. Худая встреча обозначается туманным и пасмурным днем и остается худым предзнаменованием на все лето. По поверью, солнце и месяц с первого мороза расходятся в дальние стороны: один на восток, другой на запад, и с той поры не встречаются друг с другом до самой весны. Солнце не знает, не ведает, где живет месяц и что он делает, а месяц не более того знает о солнце. Когда же они весною повстречаются, то долго рассказывают

VIII. М., 1995; Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999.

¹²⁰ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. С. 209.

о своем житье-бытье, где были, что видели, что поделывали. Часто случается, что месяц с солнцем на этой встрече доходят до ссоры, а это всегда оканчивается землетрясением. Чаше в этой ссоре обвиняют месяц, называя его гордым и задорным»¹²¹. По этому поводу была даже сложена народная поговорка, описывающая встречу двух светил: «Горденек ясен месяц, и красну солнышку не уступит: задорен рогатый пастух – все звездное стадо перессорит»¹²². Стоит отметить, что на Родионов день начинали запахивать, в силу чего эта дата играла определенную роль в сельскохозяйственном календаре. Про это была даже зафиксирована отдельная примета: «Родион воды принес – ставь соху пахать под овес». У южных славян женитьба Солнца приурочивалась к Георгиевому дню, что в очередной раз подчеркивает солярный характер посвященного Яриле-Георгию праздника, который у болгар к тому же одновременно считался и началом года¹²³. В своих песнях болгары ставили этот великий праздник даже выше христианской Пасхи: «Хороша пасха, но еще лучше георгиев день»¹²⁴. Самым большим праздником в году этот день считался и у сербов.

Связь солнца, вне зависимости от его половой принадлежности, с институтом брака, возникшая с эпохи индоевропейской общности, объясняет нам присутствие дневного светила в различных аспектах свадебной обрядности. В словацкой песне девушка просит солнце найти ей жениха:

Колесом, солнышко, колесом, будь полдень скоро,
Еще быстрее, солнышко, колесом, будь полдень скорее.
Солнышко мое, стой же в меру,
Пока мы не соберем хлеб с белого поля.
Садись, солнышко, садись, ищи себе ровню,
Когда найдешь себе ровню, совершенно зайдешь.
Садись, солнышко, садись, ищи мне жениха!
– Конечно не сяду, пока его не найду¹²⁵.

Исходя из этого же представления, на Руси о венчанной женщине говорили «по-солонь ходила», а об общеславянских истоках данного представления свидетельствует хорватское выражение *obrnuta na orosun* – о вступившей в брак женщине¹²⁶. На свадьбах жених с невестой и все остальные гости также выходят из-за стола «по солнцу». О дневном светиле как олицетворении мужского начала говорит и другая русская поговорка: «Без солнышка не пробыть, без милого не прожить». Солнце и месяц как олицетворение мужа и жены встречается нам не только в восточнославянском песенном фольклоре, но и в оформлении свадебного хлеба. «Обрядовый, преимущественно свадебный обрядовый хлеб в древности, – отмечал Н.Ф. Сумцов, – имел не только жертвенное, но и символическое значение, притом двоякое. Во-первых, свадебный хлеб служил символом небесного семейства: солнца, месяца и звезд; во-вторых, он служил символом молодых, жениха и невесты. В свадебном хлебе иногда заключается мысль о браке солнца и месяца или солнца и земли, причем самому хлебу придается или форма солнца, или форма месяца... Во многих местах М. и Б. России коровой знаменует собой все небесное семейство: солнце – мужа, луна – жену и звезды – их детей. В

¹²¹ Народный месяцеслов / Сост. Г.Д. Рыженков. М., 1989. С. 37–38.

¹²² Святский Д.О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 1 // Историко-астрономические исследования, вып. VII. М., 1961. С. 83.

¹²³ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 19, 209.

¹²⁴ Динев П. Български фолклор. Ч. 1. София, 1959. С. 306.

¹²⁵ Фаминцын А.С. Божества древних славян, СПб., 1995. С. 169.

¹²⁶ Гура А.В. Брак // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 247.

углубление, сделанное в коровае, вделывают приготовленные из теста изображения солнца и луны»¹²⁷.

Следует отметить, что в ряде случаев в славянской традиции оба небесных светила выступали как мужское начало. В таком случае они не находятся между собой в брачном союзе, а ищут себе супругу уже среди людей. В одной хорватской песне предпочтение девушки явно отдается солнцу:

¹²⁷ *Сумцов Н.Ф.* Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885. С. 131.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.